

Евгения Якушина

Триключения Руднева

ЛИЧНЫЙ ПАНОПТИКУМ

Приключения Руднева

Евгения Якушина

**Личный паноптикум.
Приключения Руднева**

«Автор»

2022

Якушина Е.

Личный паноптикум. Приключения Руднева / Е. Якушина —
«Автор», 2022 — (Приключения Руднева)

Одержимый безумной идеей маньяк затевает с Рудневым и его друзьями роковую игру. На кону человеческие жизни, а правила игры постоянно меняются. Зло принимает всё более причудливые формы, экспонаты личных паноптикумов обретают жизнь, а ночные кошмары превращаются в жестокую реальность. Охотиться за демонами, вырвавшимися из персонального ада, героям предстоит и в светском салоне, и в театральном закулисье, и в воровском притоне. Однако, зло предпочитает скрываться в местах неочевидных.

© Якушина Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгения Якушина

Личный паноптикум.

Приключения Руднева

Глава 1

Лето в тот год выдалось жарким и сухим. В воздухе над Пречистенкой медовый запах липового цвета мешался с душным запахом пыли, которой были покрыты и мостовая, и дома, и окна в домах, и цветущие липы, и поникшие головки пионов, и подвявшие, но настырно тянущиеся к солнцу пурпурные соцветия наперстянки.

Понурые цветы в саду Рудневского особняка, а пуще того, запыленные окна особенно волновали старого дворецкого Тимофея Кондратьевича, и он ворчливо сетовал об том барину и его управляющему.

Фридрих Карлович Белецкий, управляющий при Рудневе, а также его личный секретарь, примостился на краю подоконника, скрестив на груди руки, и терпеливо ожидал, когда запал дворецкого спадет и можно будет без риска обидеть старика отправить его с каким-нибудь поручением и тем самым прекратить бессмысленный разговор. Белецкий был человеком исключительно практическим и смысла в переживаниях Тимофея Кондратьевича не видел, прекрасно понимая, что, покуда зной не спадет, цветы будут вянуть, а окна пылиться.

Что до хозяина дома, Дмитрия Николаевича Руднева, то он и вовсе не слушал старого слугу, хотя время от времени участливо кивал и поддакивал.

Дмитрию Николаевичу в тот момент не давал покоя совсем иной вопрос, которым он, надо заметить, был не на шутку раздосадован. Беспокоил Руднева заказ на парный портрет, за который ему совершенно не хотелось браться, но и отказаться от которого он не видел никакой возможности.

Дмитрий Николаевич Руднев был известным художником, писавшим в романтическом стиле английских прерафаэлитов. В последнее время направление это сделалось очень модным среди ценителей живописи из высшего света, а потому работы Руднева бойко расходились по галереям и художественным салонам, а кроме того, к нему поступало немало заказов, в основном на дамские портреты, стилизованные под кургуазные или античные сюжеты. По большому счету нужды в этих заказах у Дмитрия Николаевича не было, поскольку к его знатному имени прилагалось совсем немалое состояние, но чаще всего Руднев брал их охотно, обозначая заказчику лишь то условие, что выбор образа и антуража он оставляет за собой.

Тот заказ, о котором думал Дмитрий Николаевич под аккомпанемент надтреснутого голоса старика-дворецкого, поступил от едва ли не самого состоятельного московского фабриканта, чванливого грубого человека, свято верующего в то, что он может купить все, чего только пожелает или что изволит пожелать его единственная любимая дочь. И если сам он желал в основном статусности, полезных знакомств и чиновничьей покладистости, то у дочери его, получившей образование в элитном пансионе, желания были куда как более затейливые, а по мнению самой девицы, возвышенные и утонченные.

Одно время барышня эта увлекалась древностями. Она повелела вырубить половину парка при московской усадьбе отца и установить там миниатюрную копию египетского сфинкса высотой в десять аршин. После она прознала, что какая-то там светская львица в Париже ввела моду на ручных экзотических животных, и папаша выписал своей ненаглядной дочурке китайскую мартышку, с коей та являлась на все приемы, пока однажды обезьяна не сорва-

лась с цепочки и не устроила немислимый переполох на балу самого генерал-губернатора. Далее просвещенная девица загорелась любовью к театру и даже хотела сама начать играть на сцене, но тут родитель проявил строгость и этакое срамное занятие дочери запретил строго-настрого. Барышня, как полагается, неделю обиженно поплакала, а после придумала достойную замену несложившейся связи с Мельпоменой. Дабы удовлетворить страсть к высокому искусству, а еще и приобщить к нему папашу, неугомонная девица решила заказать парный портрет себя и отца в образе Шекспировских Миранды и Просперо. Тут-то ей и подвернулся художник-романтик господин Руднев.

Дочка заводчика водила дружбу с некоей особой, отношения с которой у Дмитрия Николаевича одно время имели известный характер. Отношения те давно уже выгорели дотла и, что называется, поросли быльем, но художник и бывшая его муза остались добрыми приятелями, поэтому, когда дама эта попросила Руднева нарисовать портрет подруги, тот не задумываясь согласился. Однако теперь Дмитрий Николаевич отчаянно жалел о данном им обещании.

Во-первых, образы героев «Бури» абсолютно не подходили мордату и развязному заводладельцу и его капризной кривляке-дочери. Во-вторых, эти двое желали, чтобы Руднев сам являлся к ним для сеансов, чего тот никогда не делал, всегда работая исключительно в своей мастерской. А в-третьих, и это уж было совсем неприемлемо, будущая модель воспылала к Дмитрию Николаевичу нежными чувствами и всеми допустимыми и не совсем допустимыми способами пыталась добиться от него взаимности.

– Так как же с окнами-то поступить, Дмитрий Николаевич? – обиженный голос дворецкого вывел Руднева из задумчивости.

– Бог с ними, с окнами, Тимофей Кондратьевич! – попытался урезонить старика Дмитрий Николаевич. – Вы посмотрите, какие тучи с самого утра ходят, и парит. Верно, дождь будет к вечеру. Окна ваши сами помоются.

– Да как же так, барин?! – не унимался ворчливый слуга. – Эдак же только еще хуже станет! Потечи пойдут! Может, все-таки пригласить Филимона, чтобы он с лестницей пришел?

Руднев умоляюще взглянул на Белецкого. Тот слегка переменял позу, что хоть как-то отличило его от восковой фигуры, и вкрадчиво спросил:

– Тимофей Кондратьевич, мне счет давеча пришел от бакалейщика на пуд сахара, а Настасья Варфоломеевна нынче сказала, что у нас сахар заканчивается. Как же такое может быть?

В персональном рейтинге вселенского зла ушлый бакалейщик у Тимофея Кондратьевича значился на третьем месте, сразу за чертом. Первое же место было у жены молочника, которая с ранними петухами приносила в дом Руднева молоко. По мнению почтенного дворецкого, «глупая баба» своим веселым звонким голосом тревожила сон ненаглядного барина, который, к слову сказать, не имел об этой бабе ни малейшего понятия и голоса ее никогда не слышал.

– Так это ж бакалейщик – шельма! Где оно пуд-то, когда он полпуда присылал?!

– А вы ошибаться не можете? – с невинным видом подлил масла в огонь Белецкий.

– Да что вы такое говорите, Фридрих Карлович! Когда это я ошибался?! Вот я сейчас пойду и книгу-то мою принесу. Там все чин чинарем отмечено!

– Вы уж тогда по всему списку от бакалейщика проверьте, – подначил Белецкий, – и к вечеру ко мне в кабинет приходите с отчетом.

Напрочь позабыв про окна и цветы, старик-слуга поспешил поднимать свою бухгалтерию. Когда его сердитое кудахтанье о прохвосте-бакалейщике и неуместных сомнениях управляющего затихло за дверью, Белецкий спросил.

– Вы со мной о чем-то посоветоваться хотели, Дмитрий Николаевич?

Белецкий хоть формально и служил при Рудневе, на деле был его верным другом и соратником. Судьба свела их, когда Белецкому едва исполнилось шестнадцать, а Дмитрию Николаевичу было всего шесть лет, и с тех пор этим двоим пришлось вместе пройти через многие

серьезные и жестокие испытания. Долгое время Белецкий был при юном Рудневе воспитателем и наставником, да и теперь ежедневно проводил с ним тренировки по разным видам единоборств от фехтования до рукопашного боя. Дмитрий Николаевич спортивных упражнений никогда не любил, но по многолетней устоявшейся привычке правил этих покорно придерживался.

Руднев задумался, как бы так спросить у Белецкого совета насчет ненавистного заказа, чтобы избежать неминуемых нотаций о неблагодарности опрометчивых обещаний, и уж было принялся излагать свою проблему, как Белецкий, глянувший в окно, его перебил.

– Простите, Дмитрий Николаевич!.. К нам Анатолий Витальевич пожаловал, и, кажется, он чем-то озабочен.

Чиновник особых поручений Московского уголовного сыска надворный советник Анатолий Витальевич Терентьев был тем человеком, что некогда сыграл в судьбе Дмитрия Николаевича чрезвычайно важную роль. В силу обстоятельств – для Руднева печальных и роковых – Терентьев смог разглядеть в Дмитрии Николаевиче невероятный талант к криминальным расследованиям и привлек совсем еще молодого Руднева, только что окончившего с отличием юридический факультет Московского университета, к сотрудничеству с полицией. Уговорить Дмитрия Николаевича поступить на службу Терентьев, правда, так и не смог – Руднева останавливали соображения нравственно-этического характера – и вот уже десяток лет Дмитрий Николаевич был при Московском сыске частным консультантом, принимавшим участие в расследовании самых запутанных и жестоких преступлений.

Надворный советник вошел в гостиную, скупое поприветствовал друзей и устало опустился в кресло. Обычно бодрый и живой Терентьев выглядел вымотанным, понурым и унылым.

Белецкий повелел подать Анатолию Витальевичу холодной сельтерской воды.

– Вы бы, Белецкий, мне чего покрепче предложили, – хмуро буркнул сыщик.

Белецкий изумленно поднял бровь, молча удалился в буфетную и, вернувшись, поставил перед Терентьевым рюмку коньяка.

Надворный советник выпил коньяк залпом, однако мрачное выражение его лица нимало не изменилось.

– Что, так плохо? – спросил Дмитрий Николаевич, все это время безмолвно наблюдавший за сыщиком и убедившийся, что Анатолий Витальевич сам разговор начинать не намерен.

– Чудовищно! – угрюмо отозвался Терентьев. – Такого на моей памяти еще не было...

– Убийство? – впервые Дмитрию Николаевичу приходилось тянуть из сыщика разговор будто клещами.

– Ад крошечный... – ответил Анатолий Витальевич и снова замолчал.

Руднев ждал продолжения.

Надворный советник держал паузу не менее минуты, а после поднял на собеседника усталый взгляд и сказал:

– Дмитрий Николаевич, я хочу просить вас поехать со мной и взглянуть на *это* как есть.

– В каком смысле «как есть»? – осторожно уточнил Руднев.

– В том самом смысле... Так, как мы *это* обнаружили. Пока тела еще там.

Теперь молчал Дмитрий Николаевич, и Терентьев продолжил:

– Дмитрий Николаевич, я понимаю, о чем прошу вас, и знаю, чего вам это будет стоить!

Но, друг мой, пожалуйста, мне нужно, чтобы вы это увидели своими глазами!

Анатолию Витальевичу случалось вовлекать Руднева в предприятия рискованные и опасные, но он ни разу до сего дня не посмел пригласить его на место преступления, пока оттуда не были убраны трупы. У Дмитрия Николаевича была некрофобия, и преодолеть свой панический страх мертвых он не мог ни усилием воли, коей ему было не занимать, ни привычкой к жестким реалиям криминального следствия.

– Почему нельзя обойтись фотографиями? – спросил Руднев.

Терентьев сделал нервный невнятный жест.

– Фотографиями всего не передать.

– Чего именно?

– Дмитрий Николаевич, мне кажется, что в этом кошмаре скрыт какой-то смысл. Я не знаю какой и даже не уверен, что этакое безумие в принципе может иметь смысл, но вы иной раз видите вещи под каким-то особым углом. Может, вы сможете и в *этом* что-то разглядеть. И тогда, глядишь, мы поймем, как найти того, кто *это* сделал.

Савелий Галактионович Савушкин, двадцати двух лет от роду, младший делопроизводитель, служил в чине кабинетского регистратора при московском сыском управлении уже полгода и до сих пор никак не мог определиться в своем отношении к службе. С одной стороны, он, несомненно, гордился ей и чувствовал ее неоспоримую нужность и даже что героическую наполненность, но с другой – время от времени его начинало грызть сомнение, не ошибся ли он, выбрав столь тернистый путь. Ведь можно же было, как это сделали другие его сотоварищи по правоведческому училищу, пойти служить по судебному ведомству или, того лучше, секретарствовать при каком-нибудь адвокате.

Смятение и неуверенность особо остро терзали душу Савелия Галактионовича в те моменты, когда он либо попадал под горячую руку чиновника особых поручений Анатолия Витальевича Терентьева, к которому был приставлен, либо сталкивался с какой-нибудь отвратительной дрянью, которая, как на поверку оказалось, составляла немалую часть его службы.

Что до Терентьева, то младший делопроизводитель Савушкин его так же отчаянно боготворил, как и боялся. Боготворил за ту уверенность, что излучал этот человек, за то уважение, которым он пользовался в управлении, а пуще всего за те легенды, которые ходили об Анатолии Витальевиче и при каждом новом пересказе обрастали все более невероятными и яркими подробностями. Боялся же Савелий Галактионович в основном излишней, на его взгляд, строгости и требовательности, проявляемой надворным советником к своему помощнику. Анатолий Витальевич всегда находил, к чему придраться и за что отчитать, хотя справедливости ради стоит признать, что и хвалить помощника он не забывал, правда, исключительно скупой и сдержанно.

Что же касается тягостных моментов службы, когда Савелию Галактионовичу приходилось видеть несчастных жертв, грязь притонов, желтобилетниц, сутенеров, воров, убийц и прочих лиходеев, а также места совершения тех или иных злодеяний, то тут он постепенно обвыкался и даже фанфаронил перед своими бывшими однокашниками, просиживающими штаны в тихих-мирных конторах, рассказывая с нарочитой небрежностью и деланным равнодушием какие-нибудь особенно мерзостные и пугающие подробности.

Тот день не задался у Савелия Галактионовича с самого утра.

Все началось со ссоры, произошедшей между ним и хозяйкой, у которой он снимал комнату и столовался, и которая за немалую, по меркам кабинетского регистратора, плату и по строгой договоренности должна была его еще и обстирывать. Однако последнее время к этой части своих обязанностей хозяйка стала относиться безалаберно, и в то утро выяснилось, что все рубашки Савелия Галактионовича, которых у него было аккуратно три, включая ту, что он по какой-то лишь ему понятной причине считал парадной, не стираны, и теперь ему придется идти на службу мятым и с грязным воротничком. Младший делопроизводитель Савушкин, само собой, на повышенных тонах попенял хозяйке, на что бессовестная женщина лишь заявила, что по такой жаре воды ей не натаскаться и, вообще, коли его благородие чем-то недовольны, так вот прямо сейчас могут съезжать с квартиры.

У Савелия Галактионовича был еще и мундир, выправленный сразу при получении чина на все имеющиеся у него сбережения, но надворный советник требовал ходить на службу в

цивильном платье, говоря, что сыскное дело требует анонимности и деликатности, кои несовместимы с козырянием чиновничьим мундиром.

Вследствие неприятного инцидента с хозяйкой Савелий Галактионович на четверть часа опоздал на службу, за что получил разнос от сурового Анатолия Витальевича, который, как назло, в тот день был в конторе с самого раннего утра.

После обстоятельства дня сделались и того хуже.

От участкового пристава с Лубянской площади поступило сообщение, что в старом каретном сарае между Ивановским переулком и Мясницкой улицей произошло смертоубийство, и Савушкин, сопровождая надворного советника, патологоанатома и фотографа, отправился на место происшествия.

Каретный сарай, к которому они приехали и которым, по свидетельству пристава, поди год уж как никто не пользовался, находился чуть в глубине Ивановского переулка, в таком тихом и малоприметном месте, коих в Москве великое множество даже и близь самых шумных и проходных улиц.

На момент приезда представителей от сыскного управления подле сарая было выставлено оцепление из полицейских, среди которых стоял тревожный ропот, не предвещавший ничего хорошего.

Первое, что потрясло Савелия Галактионовича, когда вслед за надворным советником он вошел в сарай, это был запах. Непереносимый смрад смерти и разложения ударил его словно обухом, а после глаза его привыкли к темноте, и все стало совсем плохо.

– А ну, идите-ка воздухом подышите, – приказал Анатолий Витальевич позеленевшему и едва не сомлевшему помощнику.

Не чувствуя под собой ног, Савелий Галактионович выскочил из сарая и поспешил укрыться в дальнем углу проулка, чтобы никто не увидел, как его тошнило.

«Это со мной из-за жары и из-за прогорклого масла, что хозяйка во всякую свою стряпню добавляет, а совсем не потому, что я увидел *это*», – уговаривал он себя, но «это» вновь безжалостно возникало пред его внутренним взором, и младшего делопроизводителя снова начинало выворачивать наизнанку.

Когда, наконец, ему полегчало, и он через силу, но все же смог вернуться в проклятый сарай, там уже вовсю шла рутинная следственная работа. Фотограф методично переходил с места на место. Шипел и вспыхивал магний. Доктор-патологоанатом Филипп Иванович Дягелев, стоя подле одного из тел, о чем-то раздраженно переговаривался с надворным советником.

– Я уж думал, вы, Савушкин, до вечера прохлаждаться будете, – сердито заявил Анатолий Витальевич, чиркнув по белой физиономии своего помощника внимательным взглядом. – Вести протокол, я надеюсь, вы в состоянии?.. Отлично! Тогда приступайте. Проследите, чтобы фотограф отснял тут каждую пядь и под всеми возможными ракурсами. И глядите, чтобы городовые не затоптали улики... Я скоро вернусь и привезу консультанта нам в помощь.

Про консультанта Савелий Галактионович слышал уже неоднократно и от самого надворного советника, и от других, но ни разу его не видел. По всем этим рассказам выходило, что консультант – персона довольно-таки своеобразная. Якобы он брался только за некоторые дела, и если уж брался, то обязательно с успехом их расследовал, но при этом предпочитал оставаться в тени и славы не стяжал. Рассказывали о консультанте и другие странности, например, говорили, что он был высокородным дворянином и модным художником, и всякие прочие тому подобные несообразности. В общем, говорили много и разное, отчего Савушкину уж очень хотелось увидеть пресловутого консультанта, само собой, в деле.

Глава 2

Когда Терентьев вернулся на место преступления, вместе с ним были двое.

Анатолий Витальевич вышел из казенной коляски первым, а за ним с подножки соскочил высокий худой господин лет сорока со строгим аскетичным лицом и острым взглядом зеленоватых глаз. Несмотря на знойную погоду, он был одет в чопорный темный костюм, сидевший на его сухощавой фигуре как влитой.

Младший делопроизводитель Савушкин, улизнувший с места преступления под предлогом доклада начальству и теперь праздно топчущийся у ворот, решил, что этот высокий и есть консультант, но оказалось иначе.

Вслед за чинным в темном костюме из экипажа появился еще один господин. Он был моложе, невысокий, щуплый и светловолосый. Этот сразу не понравился Савелию Галактионовичу своей картинной пригожестью лица, длинными, как у артиста, волосами, дорогим элегантным костюмом и перчаткой, видать из щегольства надетой лишь на одну правую руку.

Подошедший к Терентьеву с докладом околоточный козырнул младшему из двух приехавших, обратившись к нему «ваше высочородие», из чего Савушкин заключил, что консультантом все-таки является красавчик-франт, имевший не по летам чин пятого класса.

Лицо у консультанта было бледным и напряженным, а движения – скованными. Он рассеянно кивнул полицейскому и беспокойно осмотрелся кругом. Взгляд его больших туманно-серых глаз безо всякого выражения и интереса скользнул по лицу Савелия Галактионовича, и такое безразличие к его персоне еще больше настроило младшего делопроизводителя против невесты что о себе мнящего консультанта.

Анатолий Витальевич был настолько сосредоточен на нервном франте, что даже не удостоился сделать какой-нибудь очередной выговор своему помощнику и не обратил внимание на то, что тот подошел поближе, любопытствуя до разговора надворного советника с его спутниками.

– Дмитрий Николаевич, я начинаю думать, что это была скверная идея, – обратился Терентьев к консультанту, с беспокойством вглядываясь в его болезненно застылое лицо. – Глупость я предложил! Нельзя вам туда... Белецкий, скажите же вы ему! – последние слова были обращены к высокому в темном костюме.

– Да ведь приехали уж, – обреченно отозвался Дмитрий Николаевич.

Тот, кого назвали Белецким, тем временем достал два носовых платка и побрызгал на них из какого-то флакона. В воздухе запахло камфарой, гвоздикой и еще чем-то горьковато-острым. Один платок он отдал консультанту. Дмитрий Николаевич нервно стиснул его в руке, а после с видом человека, не иначе как собиравшегося броситься с колокольни, дергано сказал:

– Идемте же, господа!

Все трое направились к воротам сарая.

Только теперь Анатолий Витальевич заметил своего помощника:

– Вы здесь что делаете, Савушкин? – рявкнул он. – Вы там быть должны!

Савелий Галактионович поспешил вернуться на место преступления, жуть которого теперь уже тяготила его меньше, казавшись какой-то нереальной, словно горячечный бред.

Через минуту в ворота вошли надворный советник, консультант и высокий. Спасаясь от смрада, двое последних прикрывали лица платками.

Савушкин ожидал, что консультант сейчас же приступит к осмотру места преступления да наверняка станет это делать как-то по-особенному и с непременным позерством, но, к его немалому изумлению и, надо признаться, к злорадному удовольствию, консультант застыл на месте с зажмуренными глазами, сделавшись блее своего платка.

Белецкий окинул сарай напряженным взглядом, прошептал: «Oh Gott!» (*нем. О боже!*) и, повернувшись к Дмитрию Николаевичу, тихо произнес:

– Das ist echt unheimlich. Macht euch auf bereit. (*нем. Это действительно очень страшно. Вам нужно быть готовым.*)

Савелий Галактионович немецкого не знал, но по интонации о смысле сказанного догадался.

Он был в полном недоумении от происходящего. Даже с пяти шагов, на которых он находился от Дмитрия Николаевича, было видно, что того колотит дрожь. Выходило так, что знаменитый консультант был до чертиков напуган и едва мог держать себя в руках.

Наконец Дмитрий Николаевич судорожно вздохнул и открыл глаза, в которых в то же мгновение появилось выражение панического страха. Он шатнулся назад, словно его пихнули в грудь, и Савушкину показалось, что, не поприветствовав Белецкий консультанта за локоть, тот бы не устоял на ногах.

– Дмитрий Николаевич! Идемте отсюда! – торопливо произнес Терентьев, но консультант с места не двинулся.

Помедлив несколько секунд, Дмитрий Николаевич высвободил руку, на негнущихся ногах шагнул к выложенным в ряд трупам и медленно пошел вдоль них, ненадолго останавливаясь подле каждого.

Трупов было девять: два мужских, шесть женских и один труп младенца мужского пола. Все взрослые жертвы были молоды, не старше Савелия Галактионовича.

Первым было обнаженное тело мужчины, прикрытое потертой красной бархатной портьерой от плеч до колен на манер туники. Одна рука убитого была откинута, и в ее ладони блестела пригоршня монет. В волосы жертвы были воткнуты два пучка гусиных перьев.

Дальше лежали три обнаженных женских тела, руки которых были переплетены между собой. Лица несчастных уродовали жуткие улыбки, созданные надрезами, идущими от уголков рта до самых ушей.

Далее был женский труп в вульгарном платье, лиф которого был разорван так, что пышные груди несчастной выпали, а между ними был всунут желтый билет. Над этим телом лежал труп младенца безо всякой одежды и пеленок, только глаза мертвого ребенка были завязаны грязной тряпицей.

Следующее тело тоже принадлежало женщине. На жертве была лишь нижняя рубашка, поверх которой были набросаны завядшие полевые цветы.

Последними лежали два тела – женское и мужское, оба обнаженные и сложенные так, будто мужчина обнимал и привлекал к себе женщину. Ее труп был обезображен более остальных: утроба была рассечена, и в рану были насыпаны моченые яблоки. Из рта несчастной торчал пучок травы.

Дойдя до последних жертв, консультант сперва оцепенело замер, а после его взгляд преисполнился ужаса и заметался по сторонам, словно ища путь к спасению.

Белецкий тронул консультанта за плечо и тихо, но настойчиво повелел:

– Gehen wir! (*нем. Пойдемте!*)

Рука Дмитрия Николаевича взметнулась в попытке заслонить его от кошмарного зрелища. Он попятился, и ноги под ним стали подкашиваться. Белецкий подхватил его под руку и потащил прочь из проклятого сарая. Анатолий Витальевич спешно пошел за ними.

Савелий Галактионович с откровенным торжеством смотрел вслед ретировавшемуся консультанту, овеянному такой невероятной славой, но, очевидно, проявившему на месте страшного преступления куда меньшее мужество, чем он, скромный младший делопроизводитель. О своей-то давешней слабости Савушкин, конечно, к тому времени уже позабыл. Но всласть поупиваться своим превосходством ему не позволил резкий голос доктора Дягелева, раздавшийся над самым его ухом:

– Стакан воды раздобудьте! Живо! – резко приказал Филипп Иванович и тоже вышел из сарая, держа в руке свой саквояж.

Савелий Галактионович шмыгнул в боковую дверь, ведущую на Мясницкую, и с важным видом лица официального потребовал в ближайшей лавке налить ему стакан воды, срочно требуемый для проведения дознавательных мероприятий. Хозяйка принесла ему воды в чашке, расписанной веселыми цветочками, и принялась выпрашивать, что там и как, и правда ли, что в старом сарае пятерых зарезали, а еще семерых придушили. Младший делопроизводитель строго цыкнул на любопытную лавочницу, подражая тону Анатолия Витальевича, и чинно заявил, что все это секрет дознания, который он – чиновник сысского управления – естественно, раскрывать кому попало не станет.

К воротам Савушкин прошел по улице. Через сарай было бы, несомненно, быстрее, но он подумал, что уже в достаточной степени проявил героизм и выдержку, а бравировать своей отвагой, теперь уже очевидной всем и каждому, будет нескромно.

Когда он пришел к воротам, там были и Терентьев, и Дягелев, и Белецкий, и Дмитрий Николаевич. Последний, которому, видать, сделалось совсем худо, сидел на подножке казенного экипажа, облокотившись о колени и уронив голову на руки.

– Вас только за смертью посылать! – сердито сказал доктор, забрал из рук Савушкина чашку и плеснул в нее из какой-то склянки, которую выудил из своего саквояжа.

– А ну-ка, выпейте! – приказал он консультанту, отрывая его руки от лица и поднося чашку к побелевшим губам. – Выпейте, говорю вам!

Дмитрий Николаевич повиновался, а потом опять спрятал лицо в ладонях.

Филипп Иванович принялся сердито выговаривать надворному советнику.

– Вы, Анатолий Витальевич, когда в следующий раз решите развлечь господина Руднева, уж сразу его ко мне в морг привозите. Тогда, если он с избытка впечатлений преставится от сердечного приступа, мне лишней мороки с перевозкой тела не будет.

Сыщик на сомнительную иронию патологоанатома не реагировал, а лишь смотрел на консультанта с откровенной тревогой и сочувствием.

Тут Дмитрий Николаевич поднял голову, взглянул на Терентьева мутным взглядом и едва слышно прошептал.

– «Весна»...

– Что? – переспросил Анатолий Витальевич, недоуменно переглянувшись с доктором и Белецким.

– «Весна»... – повторил консультант. – Боттичелли... Картина...

– Картина?.. Дмитрий Николаевич, я ничего не понимаю! – признался надворный советник. – Давайте-ка, голубчик мой, вы сейчас домой поедете, а после все мне толком объясните... Белецкий, увезите его!

Терентьев снова был на Пречистенке уже ближе к вечеру.

Дмитрий Николаевич отдал сыщику свой альбом, в котором была изображена композиция из девяти мифологических персонажей.

– Это Боттичелли? – спросил Терентьев, надевая очки.

– Вы мне льстите, – усмехнулся Дмитрий Николаевич. – Это Руднев, изобразивший сюжет творения великого итальянского мастера эпохи Возрождения. Картина называется «Весна». Но, собственно, важен не сам сюжет, а герои этого полотна, – и Руднев принялся объяснять, указывая на фигуры слева направо. – Это Меркурий, в римской мифологии бог торговли и вестник воли небожителей. Его атрибутами, в частности, являются деньги и крылатый шлем. Помните, монеты в руке первой жертвы и перья в его волосах?.. Дальше, Хариты, три римские богини веселья и радости... Улыбки тех несчастных, правда, радостными никак нельзя назвать... Следующая изображена Венера, богиня любви, в том числе и плотской, и

греховой. В общем, любви как таковой, в любом своем проявлении. А над ней – ее помощник Амур, вслепую направляющий свои стрелы в человеческие сердца. Его Боттичелли по традициям пятнадцатого века изобразил в виде младенца с завязанными глазами. За Венерой изображена богиня растительного мира Флора. Ее великий итальянец изобразил в наряде из цветов. А эти двое – нимфа Хлорида и божественное воплощение весеннего ветра Зефир. От их союза согласно мифам был рожден Карпос, бог плодов. Именно на это, по всей видимости, намекали яблоки.

Анатолий Витальевич потрясенно смотрел на рисунок.

– После вашего рассказа, Дмитрий Николаевич, это преступление кажется мне еще более безумным, – признался он. – Эта картина у Третьякова весит?

– Нет, Анатолий Витальевич. Картина хранится в коллекции галереи Уффици во Флоренции.

Сыщик помрачнел.

– Вы хотите сказать, что тот сумасшедший, что устроил весь этот кошмар, из состоятельных господ, имеющих возможность по Европам развезать? – спросил он.

Руднев пожал плечами.

– Я лишь говорю, что картина находится в итальянском музее.

– Но ведь в России наверняка есть ее репродукции? – вмешался в разговор Белецкий, все это время безмолвно подпиривший подоконник.

– Вполне вероятно, – согласился с ним Дмитрий Николаевич. – Но, даже если их и нет, это не значит, что для того, чтобы знать эту картину, нужно обязательно ехать во Флоренцию. Существуют литографические сборники и просто описания. Конкретно этой картине посвящено немало статей искусствоведческих и даже философских. Трактовка этого произведения занимает умы исследователей уже более четырех столетий. Это очень известное произведение и своего рода загадка.

– Не иначе как один из умников так ломал над ней голову, что тронулся умом, – проворчал Терентьев и снова всмотрелся в рисунок Руднева. – Дмитрий Николаевич, вы здесь не изобразили ни денег при Меркурии, ни улыбок у трех граций, ни яблок в животе этой... Как там ее?.. Жены ветра.

– А ничего этого у Боттичелли и не было. Наш убийца, видимо, добавил эти детали для того, чтобы точно обозначить персонажей.

– Стало быть, все-таки выходит, что это был человек образованный? – помрачнел Анатолий Витальевич.

– Думаю, да. По крайней мере он хорошо знаком с древнеримской мифологией.

– Скверно... Очень скверно! – заключил сыщик. – С образованными куда как больше хлопот!

– Так он же, наверное, еще и не один был? – предположил Белецкий. – Девять убитых! Тут помощник нужен.

– А убитых не девять, а всего двое, – с интригующей интонацией произнес Анатолий Витальевич.

– То есть как? – переспросил Руднев.

– А так, что остальные семь умерли вполне себе от естественных смертей или несчастных случаев.

– Анатолий Витальевич, прекратите интересничать! Объясните толком!

– Дмитрий Николаевич, семь тел были взяты из морга и только два – выходит, что Венера и Флора – были умерщвлены насильственно, а именно задушены. По предварительному заключению Филиппа Ивановича их убили не ранее двенадцати часов назад.

– Die Welt hat verrückt! (нем. Этот мир сошел с ума!) – пробормотал двуязычный Белецкий – наполовину немец, наполовину русский – под влиянием сильных эмоций имевший при-

вычку переходить на язык Гете. – Каким образом, *verdammt noch mal*, (*нем. черт возьми*) можно похитить из морга семь тел?!

– В этом-то как раз сложности нет, особенно если иметь в этом заведении сообщника, – ответил Терентьев. – А коли тело неопознанное где-нибудь в Мариинской больнице или в мертвецкой при Лазаревке, то там и вообще бардак! Покойников оттуда и студенты таскают, и шантрапа всякая для устройства общественных безобразий. Вон, аккурат в прошлом месяце племянничек купчихи Варламовой с дружками своими пьяными подарочек тетке на именины подкинул.

– Интересный у нас портрет преступника вырисовывается, – задумчиво проговорил Руднев, – интеллектуал, разбирающийся в искусстве и древней мифологии, при этом имеющий доступ к моргу... Вы уже установили, откуда именно были похищены трупы и кому принадлежали?

– Нет пока, но Савушкин... Это мой помощник... Вы его, господа, на месте преступления видели... Так вот этот бездельник отряжен мною обежать все покойницкие Москвы при всех госпиталях и кладбищах. Надеюсь, к завтрашнему мы узнаем, откуда наши мертвецы взялись.

– А что с двумя убитыми? – спросил Руднев.

– Первая, та, которая Венера, и впрямь жрица любви. Желтобилетница. Околоточный ее признал. Говорит, промышляла на Лубянке, по договоренности с извозчиками к господам в экипажи подсаживалась. Вторая, выходит, что Флора, похоже, не тамошняя. Полицейские говорят, в их околотке никаких женщин или девиц не пропадало. Мне думается, и Дягелев это тоже подтверждает, что она не из низших: руки холеные, волосы ухоженные, рубашка с кружевом. Кабы такая пропала, ее бы давно искать начали.

– Совсем не обязательно, – возразил Дмитрий Николаевич. – Вы сказали, ее убили двенадцать часов назад? Предположим, она собиралась куда-нибудь уехать. Тогда ее хватиться могут и через день, и через два, и поболее.

– Тоже верно, – согласился надворный советник. – Так или иначе, ни одежды, ни личных вещей, ни документов на месте преступления не было, так что нам остается только ждать, когда кто-то из ее близких начнет бить тревогу.

– Как их задушили? – снова спросил Руднев, рисуя что-то в альбоме.

– Руками, – сухо ответил Терентьев. – У убийцы большие и сильные руки. И он убивал, глядя жертвам в лицо. Кроме следов от удушения, иных повреждений или следов насилия при первичном осмотре Филипп Иванович не обнаружил. Однако его озадачил тот факт, что жертвы, вроде как, и не сопротивлялись. Волосы не потрепаны, ногти целы, под ногтями крови убийцы тоже нет.

– Может, он их чем-то опаивал? – предположил Белецкий.

– Все возможно, – согласился Анатолий Витальевич. – Но это Дягелев только после полной аутопсии скажет. Пока что...

– Я думаю, было иначе, – внезапно перебил надворного советника Руднев. – Злодей их после убийства обмывал, причесывал, ногти стриг, обряжал.

Терентьев охнул.

– И с чего вам, Дмитрий Николаевич, такое в голову пришло?

– Венера была в том платье, в котором на улице работала, а никаких румян и помады у нее на лице не было. Кроме того, и у Венеры, и у Флоры несколько прядей было заплетены в косы и абсолютно одинаково уложены на манер античной прически. А ногти у обеих женщин были крайне коротко срезаны, так даже машинистки не обрезают.

– Господи, Дмитрий Николаевич, когда вы все это разглядеть-то успели? – потрясенно спросил сыщик.

Руднев отдал Терентьеву альбом.

– Я там руки нарисовал и прически. Пусть Филипп Иванович тоже внимание обратит и свое заключение сделает.

Помимо рук и каких-то замысловатых косиц в альбоме с фотографической точностью были нарисованы портреты желтобилетницы Венеры и неизвестной Флоры.

– Подождите-ка! – внезапно воскликнул Белецкий, взглянув на рисунок через плечо Анатолий Витальевича. – Флора та, что слева? Так?

– Да, – подтвердил сыщик. – Вы что, ее знаете, Белецкий?

– Да ее пол-Москвы знает!

– Так кто же она? Как ее имя? – заторопился с вопросами Терентьев.

– Ее имя Флора. Мадмуазель Флора. Предсказательница судеб, якобы последняя из рода дельфийских пифий.

Глава 3

Экипаж, в котором ехали Руднев и Белецкий, остановился у изысканной кованой ограды, окружавшей живописный особняк стиля модерн, красовавшийся по четной стороне Поварской улицы.

Лучи заходящего солнца, будто солома из старого тюфяка, пробивались сквозь сгустившиеся лиловые гроззовые тучи, щедро сулящие облагодетельствовать-таки дождем разморенную жарой и задыхающуюся от пыли Первопрестольную. И в этом странном синевато-золотом свечении барельефы и маскароны казались отделившимися от особняка и парившими в воздухе, а огромные окна с витражными фрагментами светились, словно вставки из перламутра и самоцветов на диковинной восточной шкатулке.

В этом особняке на Поварской, как было известно Белецкому, каждый вечер собиралось общество, желавшее получить пророчество от знаменитой ясновидящей.

– Белецкий, ты-то откуда про ворожею эту знаешь? – спрашивал Руднев, пока они ехали вдоль Новинского бульвара. – Ты что, к ней на сеансы ездил? Только не говори, что хотел таким образом будущее узнать!

– Я к ней не один ездил, – невозмутимо ответил Белецкий. – Я сопровождал даму. И, к вашему сведению, неоднократно.

– Мне казалось, ты предпочитаешь женщин рационального склада! – удивился Дмитрий Николаевич, хорошо знавший, что в вопросах нежных чувств Белецкий был столь же практичен, как и в любых других, и его избранниц всегда отличал не менее трезвый взгляд на амурные отношения.

– Вы напрасно сомневаетесь в рационализме упомянутой мною особы, – заметил Белецкий. – Она вдова, унаследовавшая от покойного мужа коммерческое предприятие, которое чем только не торгует. Чтобы успешно вести дела, дама эта желает заранее знать, что в каждый сезон будет выгоднее.

– Тоже мне рационализм! В коммерческих-то делах шарлатанке доверять!

– Она ей и не доверяла.

– А зачем же тогда к ней ездила?

– Она слушала, о чем другие коммерсанты спрашивали, и делала выводы, исходя из их тревог и сетований.

– Господи, Белецкий! Где ты только таких женщин берешь?! Ты смотри, будь с ней поосторожней, а то не заметишь, как сам в ее расчетах окажешься.

– Не беспокойтесь, Дмитрий Николаевич, у нас с ней, к обоюдному удовольствию, отношения трезвые.

Руднев только руками развел. Он был не в силах постичь принципов своего друга в сердечных делах, поскольку сам, в отличие от Белецкого, был натурой не просто влюбчивой и романтической, но и увлекающейся до самозабвения.

– А откуда вообще взялась в Москве эта пифия? – спросил Дмитрий Николаевич, переводя разговор с темы лирической на практическую.

– Я знаю лишь, что она приехала сюда после Рождества по приглашению купца Ивана Александровича Миндовского. Он буквально помешался на всякой эзотерике и тратит свои миллионы на поддержку разнообразных мистиков и колдунов. И даже занимается устройством псевдонаучных обществ для изучения сверхъестественных практик. Мадмуазель Флора обосновалась в особняке Миндовского и начала проводить там свои сеансы предсказаний для широкой публики, популярность которых за полгода разрослась настолько, что, если верить газетам, их посещала супруга самого генерал-губернатора.

– А почему она называет себя пифией? – спросил Дмитрий Николаевич.

– Она якобы гречанка.

– Я не об этом. Обычные предсказательницы гадают по хрустальному шару или картам, в крайнем случае духов вызывают, а пифиям нужен оракул.

– У нее есть оракул. Некий артефакт, который никто из посетителей сеансов никогда не видел, но который якобы достался ей в наследство от самих жриц Дельфийского храма Аполлона, потомком которых по женской линии она является.

– Неужели люди верят в подобное? – подивился Руднев.

– Ну, Дмитрий Николаевич, вы же верите в Бога...

– Моя вера – вопрос, скорее, этический и не имеет никакого отношения к вере в сверхъестественное.

Белецкий пожал плечами.

– «Сверхъестественное» – это понятие абстрактное и относительное. Когда-то и огонь казался человеку чем-то непостижимым, а сейчас, вон, не то что огнем, электричеством мало кого удивишь.

Дмитрий Николаевич недоуменно воззрился на друга.

– Белецкий, ты что, веришь во всю эту нелепицу с предсказаниями?!

К еще большему удивлению Руднева, Белецкий помедлил с ответом.

– Видите ли, Дмитрий Николаевич, – сказал он наконец, – на этих сеансах я был свидетелем некоторых прорицаний, которые достаточно сложно объяснить случайным совпадением.

– О чем ты говоришь?!

– Например, графине Малаховской пифия помогла найти фамильный перстень, точно указав имя вора и место, куда он спрятал похищенную драгоценность. Генералу Беренгейму, кстати, абсолютно скептически настроенному и оказавшемуся на сеансе, лишь уступив желанию супруги, Флора предсказала опасность, грозящую в предстоящем путешествии. По настоянию жены генерал отложил свою поездку с какой-то там инспекцией на несколько дней, благодаря чему и впрямь, возможно, избежал гибели в железнодорожной катастрофе, которая как раз тогда произошла на Ташкентской железной дороге. Были и другие предсказания, нашедшие свое подтверждение.

– Это ничего не значит! – не сдавался Руднев. – Даже сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время.

– Тут было явно чаще, чем дважды...

– Белецкий, это лишь значит, что кто-то переводил стрелки! Все эти предсказания – мошенничество или следствие неоднозначного толкования!

– Да я с вами не спорю, Дмитрий Николаевич! – примирительно отозвался Белецкий. – Я лишь рассказываю о странностях, которые наблюдал и объяснения которым не знаю.

Рудневу с Белецким пришлось прождать под дверью особняка несколько минут, прежде чем им открыли.

Напыщенный швейцар в ярко-красной ливрее смерил их недовольным взглядом и высокомерно произнес:

– Нынче не принимают-с...

Швейцар попытался закрыть дверь, но Белецкий удержал ее.

– Мы не на сеанс. Нам нужно переговорить с кем-нибудь из сопровождающих госпожу Флору.

– Не велено никого пускать! – продолжал упорствовать швейцар.

Руднев протянул ему свою визитную карточку.

– Передайте это. Уверен, нас примут.

Швейцар насупился, прочел имя на карточке, очевидно, ничего ему не говорящее, буркнул: «Обождите», – и захлопнул дверь перед носом визитеров.

– Не очень-то любезно нас принимают, – заметил Руднев.
– Да уж, – согласился Белецкий. – Надеетесь, вам удастся козырнуть своим именем?
– Если не удастся, – философски изрек Дмитрий Николаевич, – то тебе, Белецкий, придется козырять своей способностью выбивать двери.

Выбивать дверь, однако, не потребовалось. Спустя пару минут швейцар воротился и пропустил посетителей в прихожую, заинтересовавшую Дмитрия Николаевича своим изысканным интерьером с витражами, лепниной и инкрустированным паркетом. Он как раз разглядывал на стеклянной перегородке фавна, завлекавшего юную нимфу игрой на свирели, когда по лестнице с перилами в виде переплетенных стеблей полевого плюща спустился средних лет человек, одетый во фрак. Незнакомец выглядел излишне восторженным и дружелюбным.

– О! Господин Руднев! Какая честь! – воскликнул он, кидаясь к Рудневу с распростертыми объятьями.

Дмитрий Николаевич поспешно отступил за Белецкого, но его очевидное избегание столь бурного приветствия нимало не смутило темпераментного господина. Незнакомец протянул вперед обе руки и, схватив ими руку Дмитрия Николаевича, затряс ее так импульсивно, что, казалось, еще немного, и он ее оторвет.

– Такая честь! Такая честь! – восторженно повторил он и, не меняя интонации, перешел на другую тему. – Вижу, вас заинтересовал этот витраж? Да, это шедевр! Говорят, эскиз делал сам Эмиль Галле...

– Простите, сударь, мы не имеем чести знать вашего имени, – Руднев кое-как втиснул реплику в, очевидно, неиссякаемый поток речи господина во фраке.

– Ах! Простите! Я так впечатлен вашим визитом, что забыл представиться. Иннокентий Федорович Золотцев. Да-да! Золотцев! Это моя настоящая фамилия! Забавная, правда?.. А вы, сударь? – последний вопрос словоохотливого Иннокентия Федоровича был обращен к Белецкому.

Тот сухо представился и спросил:

– Вы импресарио госпожи Флоры?

Золотцев возмущенно всплеснул руками.

– Что значит «импресарио»? Импресарио бывают у артистов! Я ее фамильяр!

– Фамильярами обычно бывают черные коты или жабы? – не удержался от саркастического замечания Руднев.

– Это предрассудки! Средневековые сказки! Разве образованный человек может в такое верить?! – возмутился Иннокентий Федорович, очевидно, не уловив иронии.

Руднев с Белецким переглянулись, но и этого Золотцев не заметил и продолжил говорить.

– Сожалею, что ее ясноволгия нет дома. Она была бы крайне польщена вашим предложением, Дмитрий Николаевич!..

– Простите, – перебил Руднев. – Я не совсем понял, о каком предложении вы говорите.

– Как же?! Разве вы пришли не за тем, чтобы нарисовать ее портрет? – от изумления Иннокентий Федорович даже смолк на мгновенье.

– Увы, нет, – ответил Дмитрий Николаевич. – Мы могли бы переговорить где-нибудь в более удобном месте, нежели прихожая?

– О да! Конечно! Простите! Пройдемте, господа!.. Что-то случилось?.. Я, видите ли, собирался на «Месяц в деревне»¹. Обожаю Ольгу Книппер! Она чудо!.. Так вы говорите, что пришли не ради портрета?! – Золотцев тараторил так, что даже если бы его гости и хотели вставить слово, у них не было бы для этого никакой возможности.

Они прошли в элегантную гостиную, а фамильяр все продолжал болтать.

¹ Имеется в виду постановка МХАТ пьесы И. С. Тургенева «Месяц в деревне», где главную женскую роль в то время исполняла Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

– Иннокентий Федорович, – Руднев бесцеремонно перебил Золотцева. – Вы сказали, что госпожи Флоры нет дома. А где она?

– Она принимает омовения на Кастальском источнике.

– Что?! – подозрение Руднева в сомнительной здравости ума Иннокентия Федоровича окончательно переросли в твердую уверенность в его безумии.

– Вы не так поняли! – начал объяснять Золотцев, догадавшись об эффекте, произведенном на собеседников его словами. – Это она так называет. В силу традиции. На самом деле она на даче под Мураново. Там есть целебные источники. Их янословие время от времени приезжают туда, чтобы восстановить силы.

– А почему вы не с ней? – уточнил Белецкий. – Вы же ее фамильяр?

– О! Их янословие всегда ездит туда одна. Даже служанку не берет. Говорит, что присутствие других людей портит ауру энергетического поля.

– И когда она уехала в Мураново? – спросил Руднев.

– Вчера утром. Я лично грузил багаж... Господа, что произошло?!

– Боюсь, у меня плохие новости, – сказал Дмитрий Николаевич, внимательно наблюдая за реакцией Золотцева. – Госпожа Флора не доехала до своего Кастальского источника. Она была убита. Ее тело было найдено сегодня утром.

– Нет! – возопил фамильяр и, кинувшись на пол, принялся кататься по ковру, рыдая и дергая свою и без того не очень уж густую шевелюру.

Руднев с Белецким растерянно смотрели на убивавшегося Иннокентия Федоровича, не зная, что предпринять. В этот момент в двери гостиной появился лакей, которого происходившая сцена, казалось, нимало не тронула, будто подобные импульсивные проявления эмоций со стороны Золотцева были явлением обыденным.

– Сударь, – невозмутимо произнес он. – Хозяйка изволили вернуться и чем-то очень недовольны.

Иннокентий Федорович вскочил на ноги. Все трое в онемелом потрясении смотрели на дверь, с наружной стороны которой приближалось звонкое цоканье каблучков.

– Это безобразие! Вы, месье Золотцев, были обязаны проследить, что карета исправна! Из-за вашей нерадивости я больше суток провела в этом дрянном трактире на Ярославской дороге! Там полно тараканов и пьяных мужиков! – стройная темноволосая женщина лет тридцати в дорожном платье ворвалась в гостиную словно ураган, и, увидев в ней гостей, замерла со смешанным выражением недовольства и удивления на очаровательном лице, которое несколькими часами ранее Руднев и Белецкий видели мертвым в пропахшем смертью сарае.

– Ах! – пискнул фамильяр и, драматично всплеснув руками, свалился в обморок.

Руднев с Белецким оторопело переглянулись.

– Что здесь происходит? Кто вы, господа? – сердито спросила последняя из рода дельфийских пифий.

– Мы пришли расследовать ваше убийство, сударыня, – ответил Дмитрий Николаевич и протянул пифии рисунок с мертвой богиней Флорой.

Мадмуазель Флора плакала навзрыд, уткнувшись лицом в бархатную подушку, время от времени начиная голосить и причитать, как простая баба. Ее верный фамильяр ползал перед ней на коленях, пытаясь заставить выпить какие-то капли, которые дрожащей рукой, постоянно сбиваясь со счета, отмерил в хрустальный бокал.

– Ваше янословие! Ну, умоляю вас! Ну, успокойтесь! Примите лекарство! Нельзя же так сердечко-то рвать!

Отчаявшись уговорить свою госпожу, Иннокентий Федорович сам осушил бокал, передернувшись так, будто хлебнул уксуса.

– Господа, ну, сделайте же что-нибудь! – взмолился он, простирая руки к Рудневу и Белецкому.

Дмитрий Николаевич забрал из его руки бокал и с размаха грохнул его об пол. От резкого звука Флора подскочила, и в тот же момент, как она подняла лицо от подушки, Белецкий плеснул в него водой.

– Что вы делаете?! – взвился Золотцев, однако бесцеремонные действия Белецкого возымели эффект, рыдания и завывания оборвались, а в заплаканных глазах женщины появилось осмысленное выражение.

– Простите нашу дерзость, сударыня, но вас нужно было привести в чувство, – извинился Руднев, подсаживаясь на диван рядом с Флорой и протягивая ей платок.

Все еще заикаясь от рыданий, пифия тихо произнесла:

– Да-да, конечно! Извините меня! Сейчас я возьму себя в руки... Это такой удар! Вы не представляете!

– Не представляем, – согласился Дмитрий Николаевич. – Мы вообще в полной растерянности и очень надеемся, что вы нам сможете все объяснить.

Тут в разговор вмешался фамильяр.

– Что тут объяснять! Вы совершили чудовищную ошибку, господа! Расстроили их яснословие и меня чуть не убили! Я жаловаться на вас буду! В суд!

– Замолчите, месье Золотцев, – оборвала его пифия. – Вы знаете, что они не ошиблись!

Из груди Флоры снова вырвалось рыдание.

– У вас есть сестра-близнец? Так? – встряхнул ее Руднев, опасаясь, что женщина снова ударится в истерику.

– Да, – закивала головой Флора, с трудом сдерживая слезы. – Да, у меня есть сестра, но я храню это в секрете.

– Почему?

– Потому, Дмитрий Николаевич, что она слабоумная... Была...

Флора снова заплакала, но на этот раз почти беззвучно.

– Сударыня, расскажите нам, – мягко, но настойчиво попросил Руднев. – Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти и призвать к ответу того, кто убил вашу сестру.

– Да мне и нечего вам рассказать. Мы – я и моя сестра-близнец Агата... Мы родились в Салониках. Наш отец русский морской офицер, а мать гречанка. Агата в детстве переболела менингитом, чудом выжила, но сделалась глухой и практически ничего не помнящей. Мать не перенесла такого и бросила нас, а отец погиб, когда нам было восемь лет. Нас отдали в приют при монастыре. В пятнадцать лет я сбежала вместе с сестрой и начала сама зарабатывать на жизнь... Тогда-то у меня и проснулся дар...

– Артистический? – уточнил Дмитрий Николаевич.

По бледному лицу пифии пошли красные пятна.

– Вы не смеете! – вскрикнула она.

– Хорошо, опустим этот вопрос, – согласился Руднев. – Давайте перейдем к вашему приезду в Москву. Как вы здесь оказались?

– Мне покровительствовал господин Миндовский. Нас представили друг другу в Париже. Он заинтересовался моими способностями и пригласил пожить у него в Москве. Сестру я взяла с собой и поселила вместе с нянькой на съемной квартире. О ее существовании знает только моя свита. Было бы недопустимым, если бы стало известно, что у меня есть слабоумная сестра. У людей закралась бы сомнения, что и мои предсказания всего лишь безумный бред.

– Ну, это понятно, – отозвался Руднев. – Что произошло вчера? Почему, увидев мой рисунок, вы ни на секунду не усомнились в гибели вашей сестры?

– Потому что я уже знала, что что-то произошло!

– В смысле, у вас было предвидение? Вам оракул сказал?

– Нет, – по щекам Флоры снова потекли слезы. – В Мураново я всегда проводила время вместе с Агатой, но из Москвы мы выезжали порознь. Я раньше, а она позже с няней. Когда сломалась карета, я все ждала, что они меня нагонят и подберут в том трактире, но они не появились. Это было странно. Поэтому-то я и вернулась, когда экипаж починили... Неужели у кого-то поднялась рука на это беззащитное существо?!

Пифия зарыдала.

– Мне нужен адрес, по которому проживала ваша сестра, – сказал Дмитрий Николаевич. – Я должен переговорить с няней.

Флора продиктовала адрес. Руднев записал, и они с Белецким откланялись.

Когда они уже выходили, Флора догнала их.

– Дмитрий Николаевич, скажите, почему у вас перчатка на руке?

– Отчего бы вам, сударыня, своего оракула об этом не спросить? – отозвался Руднев, несколько задетый беспардонностью вопроса.

– Вы скрываете шрам? – продолжала настаивать пифия.

– Да, если вам так угодно это знать.

– У вас обожжена рука?

– Да, но мне не совсем понятна причина вашего настойчивого любопытства, сударыня...

– Это не любопытство! – возразила Флора. – Я просто не сразу вспомнила... Возможно, это имеет какое-то значение... Несколько дней назад оракул предрек одному из посетителей, что в его судьбу вмешается обожженная рука... Почему вы так смотрите? Вы не верите предсказаниям оракула, да?

Руднев не ответил. Его взгляд сделался рассеянным, будто он смотрел сквозь свою собеседницу.

– А какой вопрос задал оракулу тот человек? – спросил Дмитрий Николаевич.

– Он хотел знать, как ему прославиться.

Глава 4

Гроза обрушилась на город, когда уже затемно Руднев с Белецким вернулись домой на Пречистенку.

Из резиденции последней дельфийской пифии друзья отправились по адресу проживания сестры мадмуазель Флоры и никого там не застали.

Дворник в том доме оказался на редкость ответственным и неболтливым. Он отказался открыть квартиру даже за щедрое вознаграждение, а о жильцах сказал лишь, что не видел их с прошлого дня. Отвечать на какие-либо другие вопросы дворник не стал, заявив, что поставлен сюда совсем не за тем, чтобы чесать языком и болтать о квартирантах со всякими подозрительными празднующимися господами. Окончательно убедившись, что они ничего не добьются, Руднев с Белецким решили более не терять времени, а предоставить возможность допросить дворника Терентьеву или кому-то из его людей.

Дома Белецкий задал Рудневу тот вопрос, от ответа на который Дмитрий Николаевич старательно уходил с того момента, как они покинули особняк на Поварской улице.

– Так что вы, Дмитрий Николаевич, думаете о предсказаниях Флоры про обожженную руку?

Разговор этот происходил в кабинете Руднева. Дмитрий Николаевич запретил зажигать свет и теперь стоял у окна и любовался всполохами молний и бьющими в стекло струями проливного дождя.

– Белецкий, это не предсказание! Ты же понимаешь!

– Я понимаю, и это меня как раз больше всего беспокоит! Откуда она заранее знала про вас?

– Самое простое объяснение: она ничего заранее не знала, а просто придумала всю эту историю с прорицанием на ходу, чтобы заморочить нам голову.

– Вы сами в это не верите! – возразил Белецкий. – Во-первых, как бы она догадалась, что у вас под перчаткой именно ожог.

– Так я же ей сам сказал.

– После ее однозначного вопроса!

– Господи, Белецкий! Сообразить, что человек скрывает под перчаткой какую-то неприглядность, несложно. Врожденное уродство или болезнь исключил мой ответ про шрам. Дальнейшее предположение про ожог было самым логичным. Что может еще так обезобразить руку, что человек станет носить перчатку?

– Допустим, вы правы, – продолжал наседать Белецкий, – она достаточно умна и догадалась. Но она сослалась на сеанс, где обычно присутствует не менее дюжины человек. Если она настолько проникательна, как вы говорите, то уж про свидетелей, которых мы сможем опросить, она бы точно сообразила! Да и вообще, зачем бы ей пришлось в голову, как вы выразились, морочить нам голову?

– Может, я ей приглянулся, и она захотела произвести на меня впечатление, – улыбнулся Руднев. – Такое случается.

– Дмитрий Николаевич, вы напрасно отшучиваетесь! – крайне серьезно произнес Белецкий. – Я ведь вижу, что вас встревожили ее слова! Так что вы *на самом деле* об этом думаете?

Руднев помолчал, побарабанил пальцами по стеклу и наконец ответил.

– Я думаю, Белецкий, что мадмуазель Флора втягивает меня в какую-то игру. А мне совсем не нравятся игры, в которых убивают несчастных женщин и выкладывают картины из трупов.

На следующее утро ни свет ни заря на Пречистенку пожаловал Анатолий Витальевич и заявил встретившему его Белецкому, что у него есть новости, которыми он бы хотел немедленно поделиться. Белецкий ответил, что и им есть, что рассказать чиновнику особых поручений, и отправился будить Руднева, однако обнаружил его не в спальне, а в художественной мастерской, где тот, очевидно, провел всю ночь.

Дмитрий Николаевич сидел на полу, а перед ним на мольберте стоял набросок картины с изображением восседающей на треноге пифии. Искажённое божественным экстазом лицо жрицы имело очевидное сходство с мадмуазель Флорой.

– Вы что, Дмитрий Николаевич, совсем спать не ложились? – ворчливо спросил Белецкий, скептически разглядывая картину.

– Я думал о пифии, – ответил Дмитрий Николаевич.

– Это я вижу...

– Вот скажи мне, Белецкий, случалось ли тебе когда-нибудь видеть взрослых близнецов настолько неотличимых, как Флора и Агата? – Руднев подsunул Белецкому сделанный им накануне портрет убитой и кивнул на мольберт.

– Дмитрий Николаевич, я затрудняюсь оценить сходство трупа с живой женщиной, но, если судить по вашим рисункам, сходство действительно значительное.

– Не значительное, Белецкий, а невероятное! Это странно!

– Готов с вами согласиться и предлагаю обсудить это с Анатолием Витальевичем, который дожидается вас в гостиной.

Первым делом Руднев рассказал сыщику о выяснившейся накануне ошибке в установлении личности одной из жертв.

– Это многое объясняет! – довольно потеряв руки, заявил Терентьев. – Смотрите! – и он протянул Дмитрию Николаевичу пачку фотографий. – Обратите внимание на те, что от Дягелева со вскрытия Флоры, то есть Агаты.

Дмитрий Николаевич выложил перед собой ряд снимков убитой женщины, очень похожей на ту, что рыдала вчера на Поварской, но имевшей с ней ту степень различий, которая ни за что бы не позволила перепутать этих двоих.

Убитая была коротко обстрижена, в волосах ее блестела седина, щеки были запавшими, глубокие морщины пресекали лоб и скорбно опускали уголки рта. В целом убитая выглядела старше и куда как менее ухоженно, чем ее сестра.

– Мистика! – пробормотал Белецкий. – Они абсолютно разные! Но ведь эта несчастная выглядела совсем иначе! Она что, была загримирована?

– Думаю, одним гримом тут не обошлось, – Руднев потрясенно покачал головой. – Ее изменили более искусным и радикальным способом, куда менее приметным при поверхностном взгляде, – Дмитрий Николаевич указал на ряд точек у линии волос убитой и спросил Терентьева. – Я прав?

– Да, Дмитрий Николаевич, – ответил Терентьев и пояснил в ответ на вопросительный взгляд Белецкого. – Убийца исправил ей форму лица, набив за щеки ваты, а кожу на лбу натянул и зашил, словно на башмаке, спрятав шов под париком. Филипп Иванович говорит, шов далек от идеала, но сделан человеком, очевидно, имеющим медицинские навыки.

– Жуть какая, – поежился Белецкий. – И зачем все это было нужно делать?

– Очевидно, чтобы добиться того самого небывалого сходства, о котором я тебе говорил, – ответил Руднев. – Куда интереснее вопрос, зачем было нужно это сходство?

– Получается для того, чтобы Агату приняли за Флору, – ответил Анатолий Витальевич.

– Так, может, этот убийца одержим мадмуазель Флорой? – высказал гипотезу Белецкий. – Скажем, его обуревают страсть, доведшая его до той степени исступления, что он замышляет убийство. Но он не может добраться до самой пифии и каким-то образом узнает о существо-

вании ее сестры – предположим, он следил за Флорой. И вот безумец убивает убогую Агату, но, чтобы удовлетворить свое вожделение, придает ей облик Флоры.

– Мне нравится эта версия! – заявил надворный советник.

– Мне тоже... – сказал Руднев и, очевидно, не договорил.

– Но? – спросил Белецкий. – Вы ведь хотели сказать «но», Дмитрий Николаевич?

– Но меня смущают два момента, – продолжил Руднев. – Во-первых, если все крутится вокруг Флоры, почему убийца выбрал в качестве антуража «Весну»? Композиционно в этой картине основное место занимает Венера. При этом существует множество произведений, где главную роль играет именно Флора. Взять хотя бы Луку Джордано, Николая Пуссена, Ричарда Весталла...

– Помилосердствуйте, Дмитрий Николаевич! – перебил Руднева сыщик. – Вы правда думаете, что всякий человек вот так вот навскидку может всяких там Весталлов припомнить с их картинами?! Я, например, и про вашего-то Боттичелли только вчера от вас услышал. И ненормальный этот какую знал картину, такую и изваял, прости господи!

– Ну, допустим, – согласился Руднев. – Тогда есть второе сомнение.

И Дмитрий Николаевич поведал Терентьеву о странном прорицании последней дельфийской пифии о судьбоносной обожженной руке.

– Та-ак, – протянул Анатолий Витальевич. – Пожалуй, мне следует заняться этой гадалкой потщательнее... А вы, Дмитрий Николаевич, в одиночку нигде не шляйтесь и носите с собой оружие.

– Анатолий Витальевич, вы как-то слишком серьезно ко всему этому отнеслись, – Руднев попытался снизить градус беспокойства чиновника особых поручений, но тот был непреклонен.

– Это вы, Руднев, по своему обыкновению, слишком легкомысленны! – ответил он. – Мы имеем дело с человеком, который из девяти трупов шедевр мировой живописи сложил. Поверьте моему опыту, с такими творческими людьми стоит соблюдать осторожность.

В тот день Савелий Галактионович Савушкин как никогда жалел об избранной им службе в сысской полиции. Собственно, жалеть он начал еще накануне, в заброшенном каретном сарае, а теперь же окончательно убедился в своей недалекости.

Мало того что половину предыдущего дня ему пришлось провести среди зловонных трупов в обществе ворчливого патологоанатома, записывая за ним всякие чудовищные подробности, так и после этого нечеловеческого испытания чиновник особых поручений не нашел для него никакого другого занятия, как отправить по всем покойницким Москвы, чтобы разыскать те, из которых были похищены давешние мертвецы.

Савелия Галактионовича к тому времени уже не трогали ни запах, ни тягостные зрелища, коих он еще в Ивановском переулке нанюхался и насмотрелся сверх всякой меры, но вот ущерб, нанесенный его самолюбию, виделся ему невосполнимым.

Младший делопроизводитель Савушкин всегда считал себя человеком серьезным да основательным и был абсолютно уверен, что и окружающие воспринимают его ровно так. Исключение, конечно, составляли Анатолий Витальевич, доктор Дягелев и некоторые другие сотрудники сысского управления, ну, пожалуй, еще хозяйка квартиры, дворник, лавочник и... Впрочем, все эти исключения, думал Савелий Галактионович, только подтверждали правило, которое гласило, что, в целом, кабинетского регистратора Савушкина, несомненно, уважали и к должности его, пусть пока и невеликой, но имеющей неоспоримое общественное значение, относились с должным почтением.

Однако два последних дня вконец подорвали веру Савелия Галактионовича в свою солидность и значимость.

Начать стоило с городского Ромашкина, который управлял выданной Савушкину для ускорения дела казенной коляской и который всем своим видом давал понять, что вовсе не считает Савушкина за старшего. Старый полицейский не называл Савелия Галактионовича иначе, как «сын» или «твое вассество», а также ни разу не помог младшему делопроизводителю дотащить до казенной коляски неподъемные коробки с журналами и бумагами, которые тот изымал в моргах. Ромашкин только посмеивался в седые усы и говорил: «Эко ж ты, твое вассество, стараешься! Небось, их высокоблагородь-то тебя совсем застращали... Но это правильно, сын! Оно ж так через ноги и ума, глядишь, наберешься!»

Хуже Ромашкина оказались врачи и санитары в покойничках. Первые на вопросы Савелия Галактионовича не отвечали и вообще делали вид, что младшего делопроизводителя вроде как и вовсе не существует, и что он лишь излишнее приложение к предписанию выдать документы для целей проведения сыскных мероприятий. Санитары же и вовсе вели себя непотребно, улюлюкали над ним и пытались пугать ампутированными конечностями или оторванными головами.

Когда вконец обалдевший и не помнящий себя Савелий Галактионович вернулся в контору, была ночь-полночь. Начался проливной дождь, и Савушкин, выбиваясь из последних сил, таскал из коляски документы, прикрывая их своим пиджаком, в то время как городской Ромашкин сидел на козлах, торопил его и сердито покрикивал, попрекая, что эдак они запалят лошадь, и что его, Ромашкина, уж давно заждалась его старуха с горячим ужином и стаканчиком вина.

Сам Савелий Галактионович никаких перспектив ужина не имел, впрочем, и с обедом у него в тот день не сложилось.

В конторе к тому времени уже никого не оставалось, кроме дежурного. Он тоже особого интереса к младшему делопроизводителю не проявил, а лишь передал приказ от Анатолия Витальевича во что бы то ни стало в кратчайший срок составить отчет по пропавшим за последнюю неделю покойникам. И Савелий Галактионович зарылся в бумаги. Не разгибая спины и окончательно сломав глаза на неразборчивых записях, Савушкин работал несколько часов, пока незаметно для себя не уснул тут же за столом с пером в руках.

Проснулся он от резкого окрика:

– Может, хватит дрыхнуть, Савушкин!

Савелий Галактионович встрепенулся, открыл глаза и увидел стоящего перед собой Анатолия Витальевича, без пиджака и со стаканом чая в руках.

– Ну, что? Выяснили, откуда мертвецов выкрали? – строго спросил надворный советник, глядя на своего помощника поверх очков, которые надевал исключительно для чтения и письма.

– А?.. Да!.. Почти... Ваше высокоблагородие, – пробормотал Савелий Галактионович, ошалелый со сна и сконфуженный тем, что Анатолий Витальевич поймал его, можно сказать, на месте должностного преступления.

– «Почти» меня не интересует, Савушкин! Я жду полного отчета! Поторапливайтесь давайте! Сколько возиться-то можно? – нахмурился Анатолий Витальевич.

Он поставил на стол Савушкина стакан с чаем и написал на чистом листе бумаге какой-то адрес:

– Если что-то срочное, я буду тут. Потом к Филиппу Ивановичу поеду, после – в контору. Дальше вы мне понадобится для опроса свидетелей. Все ясно?

Савелий Галактионович кивнул, а чиновник особых поручений сдернул свой пиджак с плеч Савушкина, непонятно с чего там оказавшийся, и позабыв, видать, про чай, вышел из конторы.

Анатолий Витальевич рассказал Рудневу и Белецкому, что доктор Дягелев счел крайне правдоподобной гипотезу Дмитрия Николаевича о посмертном ритуале, проводимым убийцей над телами жертв.

– Филипп Иванович подтвердил, что тела были убраны. Корсет на Венере был завязан неумело, и что-то там с чулками было напутано. Прически у обеих жертв идентичны. Только у Агаты это, понятно, парик был. И главное, ногти. Дягелев говорит, что, судя по углу среза, вполне вероятно, что ногти жертвам подстригал один и тот же человек одними и теми же ножницами. В целом, убийца обошелся с телами очень бережно, если так можно сказать. Никаких ни прижизненных, ни посмертных травм, кроме перелома гортани и синяков на шее, у жертв нет. Определить, кто из них умер раньше, а кто позже, Филипп Иванович затрудняется. Говорит, что из-за жары разложение шло быстрее. Он только предполагает, что всю композицию безумец собирал несколько дней.

– Значит, скорее всего, он и тела привозил туда не за один раз, – предположил Белецкий. – Неужели никто ничего не заметил?

– Пока никто ничего дельного не сказал, – развел руками Терентьев. – Возможно, когда мы пойдем, откуда привозились тела, мы сможем задавать более конкретные вопросы и получим более конкретные ответы...

Испросив дозволения, в гостиную вошел слуга и предал надворному советнику записку.

– Вот олух! – воскликнул Анатолий Витальевич, прочитав ее.

– Вы о ком? – спросил Руднев.

– Да об этом моем горе-помощнике! Савушкине! Я ему на всякий случай, Дмитрий Николаевич, ваш адрес оставил. Так он и примчался сюда! Пишет, что у него до меня срочное дело. Небось, отчет свой закончил! Пойду я к нему...

– Подождите, Анатолий Витальевич! – остановил сыщика Руднев. – Ваш Савушкин ведь как раз должен был про похищенные тела выяснить? Так зовите его сюда.

– Нечего его баловать, Дмитрий Николаевич! – возразил Терентьев.

– Я ж его не в гости зову! Пусть здесь свой отчет докладывает. Вам пересказывать не придется.

После ухода Анатолия Витальевича из конторы, а главное, после сладкого горячего чая – ну, не пропадать же ему было – работа у Савелия Галактионовича пошла бодрее, и спустя полчаса он наконец наткнулся на то, что искал. Возликовав, Савушкин вгрызся в записи, и тут ему открылось нечто такое, что он счел необходимым немедленно доложить чиновнику особых поручений. Подхватив один из пропавших формалином журналов и сунув в карман записку с адресом, Савелий Галактионович помчался на Пречистенку.

К немалому его изумлению, по оставленному Анатолием Витальевичем адресу оказался богатый барский дом с флигелем и садом.

Младший делопроизводитель неуверенно постучал в дверь и совсем оробел, когда ему отворил швейцар в ливрее. Запинаясь, но все-таки пытаясь держать лицо, Савелий Галактионович объяснил, что он-де младший делопроизводитель при московском сыском управлении и у него крайне важное дело к его высокоблагородию чиновнику особых поручений Анатолию Витальевичу Терентьеву, который, по его сведениям, в настоящее время находится в этом доме. Швейцар выслушал, невозмутимо протянул Савушкину блокнот и карандаш, велел написать записку для господина надворного советника, забрал ее и закрыл дверь перед носом Савелия Галактионовича.

Савушкин потоптался у крыльца минуты две, а после дверь снова открылась. Его пригласили войти и проводили в гостиную, где Савелий Галактионович, к своему изумлению, помимо чиновника особых поручений, увидел вчерашнего консультанта и его напарника.

– Присаживайтесь, Савелий Галактионович, – любезно предложил, очевидно, являющийся хозяином дома Дмитрий Николаевич неловко переминавшемся с ноги на ногу Савушкину.

Тот робко присел на краешек стула. Савелия Галактионовичу очень польстило, что и впрямь оказавшийся важной птицей консультант назвал его по имени и отчеству.

– Что вы хотели мне сообщить, Савушкин? – спросил надворный советник.

Савелий Галактионович открыл было рот, но тут вспомнил про тайну следствия и, притворно откашлявшись, красноречиво взглянул на хозяина дома и его товарища, который неподвижно стоял, опираясь о подоконник и скрестив на груди руки.

Анатолий Витальевич неопределенно хмыкнул и сказал:

– Савушкин, их высокородие господин Руднев и господин Белецкий участвуют в расследовании. Вы можете говорить при них открыто.

Савелий Галактионович приосанился и с важным видом по всей форме начал докладывать.

– В результате проведенного мною расследования тела, обнаруженные на месте преступления по адресу...

– Савушкин, переходите к сути! – оборвал его надворный советник. – Откуда трупы?

– Из Мариинской больницы! – выпалил Савелий Галактионович и радостно добавил: – Только там за последнюю неделю, кроме этих семерых, еще десять покойников сперли!

Глава 5

Савелий Галактионович был горд собой. Он не совсем был готов оценить, насколько его открытие позволило продвинуть следствие, но эффект, который оно произвело на чиновника особых поручений, консультанта и его помощника, очевидно, был значительный.

Все трое уставились на переданный надворному советнику список и напряженно молчали.

Первым заговорил Белецкий, и практицизм его вопроса, надо признаться, ошеломил и его друзей, и уж тем более Савушкина.

– Где в такую жару можно сохранить десять трупов? – спросил он таким тоном, каким обычно спрашивал отчета у дворецкого или старшей кухарки.

– Bravo, Белецкий! – похвалил Анатолий Витальевич. – Отличный вопрос! Такие места и впрямь можно вычислить, а через них постараться выйти на убийцу. Хоть какая, но конкретика!.. Савушкин, надеюсь, вы записываете?

Младший делопроизводитель, ясное дело, и не думал записывать, потому от заданного вопроса покраснел, тут же поспешно достал блокнот и принялся строчить в нем погрызленным карандашом.

Терентьев тем временем обратился у Рудневу.

– Дмитрий Николаевич, – спросил он, – вас этот список ни на какие мысли не наводит? Есть у вас идея, для какой картины такой паноптикум может подойти?

В списке похищенных мертвецов значились две совсем молодые женщины, два юноши, два старика, три мужчины и одна женщина средних лет.

Руднев отрицательно покачал головой.

– Вот так, чтобы все они могли быть персонажами какого-то одного полотна?.. Ничего в голову не приходит, – сказал он. – Но, может, они приготовлены для разных композиций?.. Если вообще они имеют отношение к нашему делу... Да и к тому же «Весна», как вы помните, господа, была дополнена убитыми... Я не готов строить гипотезы. Это может быть все что угодно.

– Значит так, – деловито проговорил надворный советник, поднимаясь, – вы, Савушкин, составьте мне список всех возможных ледников: склады, рестораны, магазины и прочее. Отправим туда проверку, а параллельно с тем еще раз все морги придется обыскать. Раньше нас интересовали недостающие трупы, теперь будем выявлять излишек. На эту проверку я околоточных с квартальными подряжу. Я сам поеду в Мариинскую больницу, выясню, каким образом у них там могла произойти пропажа. А перед тем съезжу по адресу Агаты и поищу ее няньку. Вы, господа, действуйте, как сочтете нужным. Но только прошу вас, Дмитрий Николаевич, помните, о чем я вас предупреждал! Будьте осторожны!.. Надеюсь, к вечеру мы сможем продвинуться в деле... Что вы расселись, Савушкин? Идемте же!

Когда надворный советник со своим помощником ушли, Белецкий спросил Руднева:

– Что вы планируете предпринять, Дмитрий Николаевич?

– Мне понравилась твоя вчерашняя идея про репродукции «Весны». И в связи с этим я хочу нанести визит Ивану Абрамовичу.

– Я так понимаю, длительной прогулкой вы себя решили не утруждать², – усмехнулся Белецкий и уточнил: – Но ведь Иван Абрамович, насколько я знаю, современным искусством интересуется?

² Руднев намеривается нанести визит Ивану Абрамовичу Морозову, промышленнику, меценату, коллекционеру живописи, проживавшему на улице Пречистенка в доме 21, где в настоящее время расположена Российская академия художеств.

– Да, но смотритель его коллекции – один из лучших специалистов по итальянцам эпохи Ренессанса, – объяснил Руднев. – Собственно, с ним я и намерен переговорить.

– А что вы поручите мне? – спросил Белецкий.

– У тебя две задачи. Во-первых, постарайся выяснить все, что можно, про мадмуазель Флору и про ее свиту. А во-вторых, обеспечить нам с тобой посещение ее ближайшего сеанса прорицаний.

Белецкий нахмурился.

– И с чего вы вдруг решили посетить ее сеанс? – спросил он подозрительно.

– Хочу разгадать суть ее обмана.

– И это единственная причина, Дмитрий Николаевич? – в голосе Белецкого слышалось очевидное недоверие.

Руднев нетерпеливо махнул рукой.

– Давай, Белецкий, говори уж? Будет тебе ходить вокруг да около!.. Так что?

– А то, – безапелляционно заявил Белецкий, – что меня беспокоит ваш интерес к женщине, имеющей прямое отношение к чудовищному преступлению!

– Белецкий, мы расследование ведем! Естественно, я проявляю интерес к участникам дела!

Белецкий был непоколебим в своем недовольстве.

– Дмитрий Николаевич, вы прекрасно понимаете, что я говорю о другом интересе!

– Да с чего ты взял?

– С того, что знаю вас и вижу насквозь! Вы ее всю ночь рисовали!

– И что это, по-твоему, значит?

– Это значит, что она вам нравится!

– Белецкий, мне нравится все, что я рисую! В этом суть творчества!

– О да! Вы всякое свое любовное увлечение на творчество и вдохновение списываете! Только вот в этот раз вашей музой стала женщина, которая, как вы сами вчера сказали, пытается втянуть вас в *gefährliches Spiel* (нем. *опасная игра*).

– *Gefährliches Spiel habe ich nicht gesagt!* (нем. *Я не говорил: «Опасная игра!»*) – возразил Руднев. – Впрочем, это неважно! Довольно спорить! Я готов признать, что она мне интересна, но мой интерес ты сильно преувеличиваешь. В любом случае я должен переговорить с ней еще раз. Она меня провоцирует, и я хочу понимать на что и зачем.

Белецкий что-то еще поворчал, и на том они расстались.

Когда они вновь встретились, дома их ожидала записка от надворного советника, в которой он сообщал, что няньку не нашел и что, судя по выяснившимся обстоятельствам, живой ее уже найти не удастся. Женщин, очевидно, похитили, когда они собирались выезжать в Мураново.

Дворник, куда как более откровенный с полицейским чином, поведал, что за нянькой и ее убогой подопечной приехал извозчик, загрузил багаж и увез женщин. Однако по номеру живейного выяснилось, что экипажем правил совсем другой человек. Якобы, когда извозчик выезжал по адресу, о котором было договорено еще накануне с каким-то господином, к нему подсел некто в широкополой шляпе и со смешной такой кудлатой бородой, сказав, что ему совсем по пути. Незнакомец тот был крайне весел и говорил, что у него большая радость, за которую он предложил извозчику вместе с ним выпить. Не желая обидеть седока, да и не считая нужным отказываться от дармовой выпивки, извозчик щедро хлебнул из бутылки, которую ему дал седок, и далее уж ничего не мог вспомнить до того момента, как проснулся в глубокой ночи где-то на московских задворках в своем же экипаже.

Выходило так, что радостный седок и был похитителем, который увел экипаж, угостив извозчика чем-то сдобренной водкой, а после вернул коляску, видимо, чтобы извозчику не из-за чего было подымать шум.

Новости, добытые Дмитрием Николаевичем, были куда как скромнее и не только не проясняли дело, но и, напротив, добавляли ему неопределенности.

По словам эксперта, «Весна» относилась к числу тех шедевров, что будоражили амбиции многих художников средней руки, а кроме того, пользовалась достаточной известностью у публики вроде того фабриканта с дочерью, что желали быть увековечены кистью Руднева в Шекспировских образах. Вследствие этого в России, и, в частности, в Москве, было немало плохих и хороших копий Боттичелли, вполне себе достаточных для того, чтобы послужить инструкцией для воссоздания композиции флорентийского шедевра. Помимо этого, описание «Весны» входило минимум в три каталога, а оценить количество отпечатанных литографий эксперт даже не брался. В общем, становилось очевидно, что убийце совсем не обязательно было предпринимать тур по Италии, чтобы почерпать вдохновение и получить представление о картине.

Белецкому тоже удалось узнать немного.

Мадмуазель Флора стала известна как прорицательница после того, как она якобы предсказала покушение на Вильгельма II, совершенное в Бремене. Правда, как это обычно бывает, о ее предсказании стало известно постфактум, однако достоверность одного подтверждалась лицами, чья известность в берлинском свете не позволяла усомниться в правдивости их слов, тем более что число свидетелей за тот период, пока тема мусолилась газетами, выросло на порядок.

Далее последняя дельфийская пифия в течение десятка лет регулярно оказывалась упомянутой в европейской светской хронике, только уже в основном в контексте позитивных предсказаний. Чаще всего она предрекала рождение наследников, назначения на должности и выгодные матримониальные партии.

Меня одного покровителя на другого, мадмуазель Флора кочевала по европейским столицам, пока три года назад не оказалась в Петербурге, где прожила два года. После она на полгода уехала в Париж и снова вернулась в Россию, но на этот раз в Москву.

В услужении у пифии, помимо штата, выделенного ей Миндовским, было всего два человека: горничная-гречанка и фамилляр, господин Золотцев. Причем оба они состояли при госпоже задолго до ее приезда в Россию, что было совсем неудивительно для гречанки, но вызывало вопросы в отношении фамилляра. Однако выяснить что-либо о темпераментном Иннокентии Федоровиче Белецкому не удалось.

– Что насчет сеанса предсказаний? – спросил Руднев после того, как Белецкий окончил свой рассказ.

Белецкий взглянул на часы.

– У нас с вами есть время на обед и на то, чтобы переодеться к вечеру.

В особняке Миндовского собралось немногочисленное, но вполне приличное общество.

В освещенной на старомодный лад свечами гостиной посетители разбивались на группы и вели обыденные светские беседы о политике, театре, скачках, общих знакомых, знаменитостях и о прочем в том же духе. Подобранные едва ли не на одно лицо лакеи в голубых ливреях подавали гостям шампанское и засахаренные фрукты.

– Это похоже на обычный светский прием, – поморщился Руднев, который подобные мероприятия терпеть не мог и всячески их избегал.

– А вы чего ожидали, Дмитрий Николаевич? Авлосов? Киликов? Хитонов? – пожал плечами Белецкий.

– По крайней мере я ожидал какой-то особой атмосферы. Пока же антураж абсолютно прозаический.

– Это же не цирк и не шатер гадалки, чтобы декорациями настроение нагнетать!

Руднев недовольно мотнул головой.

– От цирка все это отличается только импозантностью публики!

– Наберитесь терпения, Дмитрий Николаевич! На сеансе атмосфера совсем иная, – заверил Белецкий. – Не знаю, чем уж это объясняется, но, поверьте, это действо захватывает. Я видел, как особо впечатлительные личности там до иступления доходили.

– Это называется истерией, – скептически хмыкнул Руднев. – Ну или, к слову, о киликах, шампанское у пифии могут подавать какого-то особого сорта.

Белецкий с подозрением взглянул на свой бокал и отставил его. Наблюдавший за этим Дмитрий Николаевич рассмеялся.

В этот момент в гостиную вошел господин Золотцев и, распахнув объятия, кинулся через весь зал к Рудневу. На этот раз Белецкий в отместку за шутку с шампанским не стал прикрывать Дмитрия Николаевича от импульсивного фамильяра.

– Ах, господин Руднев, как замечательно, что вы нашли возможность прийти! И, так сказать, поддержать ее ясноволшебие! – растроганно восклицал Иннокентий Федорович, прочувственно обнимая и лобзая гостя. – Когда я увидел вас в сегодняшнем списке, так прям сразу и подумал: вот, подумал я, Дмитрий Николаевич – благороднейший человек с невероятной тонкостью манер и особенной деликатностью!..

«Благороднейший человек» с трудом высвободился из дружеских объятий и, взяв фамильяра под руку, поспешил увлечь его в другой конец зала, подальше от любопытствующих посетителей, привлеченных бурной сценой и пламенной речью Золотцева.

– Как состояние госпожи Флоры? – спросил Руднев, врезая свой вопрос в неиссякаемый поток восторженных и взволнованных слов. – Она очень сильная женщина, раз не стала отменять сегодняшней сеанс.

– Несомненно! Несомненно, господа! – с головокружительной легкостью перескочил на новый предмет разговора Иннокентий Федорович. – Но тут дело не только в силе! Здесь вопрос служения! Нам с вами, простым смертным, этого не дано понять!

– Служения? – не понял высказанной сентенции Руднев.

– Именно! Пифия служит оракулу! Ее дар – это и ее проклятье! Как бы ей ни было тяжело сейчас, она не имеет возможности противиться силе древних богов!

– А вы давно служите госпоже Флоре? – снова сменил направление беседы Дмитрий Николаевич.

– О! Я удостоился великой чести стать фамильяром ее ясноволшебия в 2681 году месяца Хераий³!

– Простите? – озадачено переспросил Руднев.

– Ах! Извините, привычка! – и Золотцев пояснил: – Уж скоро пять лет, как я при госпоже. Я тогда путешествовал по Европе, искал свое призвание, знаете ли! Я все мечтал написать книгу о величайших цивилизациях древности. О Греции или про Рим... Но чего-то мне не хватало! Может, конечно, и образования, но я так думаю, что это все судьба! Судьба, господа, она дама строгая! Она уж если что и решила, то противиться ей бесполезно... Короче говоря, во Флоренции я пересекся с ее ясноволшебием. Побывал на ее сеансе... И все! Словно громом меня поразило! Понял я, грешный, что мне на роду написано было!.. Кинулся я ее ясноволшебию в ноги, ну, она и снизошла!.. С тех пор я ее верный фамильяр, а заодно и устроитель всех ее дел, конфидендент, даже что экономка и нянька, если вы меня понимаете...

– Понимаем, – хмыкнув, заверил Белецкий. – А позвольте задать вам деликатный вопрос как фамильяру и конфиденденту? Каков статус личной жизни госпожи Флоры?

³ Золотцев называет год по летоисчислению, введенному древнегреческим ученым Тимеем, который предложил отсчитывать года от первых Олимпийских игр, состоявшихся в 776 г. до н. э., вернее, от первой Олимпиады, в которой было достоверно известно имя победителя. Однако Золотцев, вероятнее всего, ошибается, называя год, так как древние греки использовали лунный календарь, а в нем год короче астрономического. Месяц дельфийского календаря Хераий соответствует в современном календаре периоду октября—ноября.

Иннокентий Федорович всплеснул руками.

– Господа, о чем вы говорите! Вы имеете в виду *de la vie amoureuse* (*фр. любовная связь*)? Но это абсолютно невозможно! Она пифия! Вы знаете, что это значит?! Она принадлежит оракулу! Принадлежит *complètement* (*фр. без остатка*)! На обывательском уровне это значит, что она не имеет права на иные отношения! Она не может иметь *amant* (*фр. любовника*)! Ни в каком смысле! *Vous me comprenez?!* (*фр. Вы меня понимаете?!*) Она должна *restée pure* (*фр. оставаться невинной*) и хранить верность оракулу! В противном случае она лишится своей силы!..

– А что есть ее оракул? – перебил поток пылких излияний Дмитрий Николаевич.

Фамильяр поперхнулся своей болтовней, побледнел и отшатнулся.

– Что вы такое спрашиваете, сударь?! Как можно! Это величайшая тайна, сокрытая ото всех! Это арканум! Сокровенное!.. Естественно, я не посвящен! И никогда бы не посмел даже помыслить о том, чтобы поднять глаза на эту энигму!..

Золотцев вынул из жилетного кармана часы, взглянул на них и схватился за голову.

– О боги! Я опаздываю!.. Нам давно пора начинать!.. Прошу меня простить, господа!

С этими словами фамильяр метнулся к неприметной боковой двери и исчез за ней.

– Как вы думаете, Дмитрий Николаевич, он не в себе или комедию ломает? – спросил Белецкий, глядя вслед Иннокентию Федоровичу.

– Право, не знаю, – признался Руднев. – По мне, так и то и другое. Вопрос лишь в соотношении.

Глава 6

Не успели друзья договорить, как раздался призывный звук гонга, и лакей распахнул двери, ведущие в соседнюю залу. Разговоры разом притихли, иные лица сделались взволнованными, иные – напряженными. Гости потянулись из гостиной в «святилище».

«Святилище» представляло собой небольшой зал, тонувший в сумраке и освещенный лишь светом античных напольных масляных светильников, ряд которых делил помещение на две части. В первой полукругом стояли два ряда кресел с карточками, на которых значились имена посетителей. Вторая часть зала была отгорожена плотной золотистой занавесью, и, очевидно, именно там должно было вот-вот начаться таинство предсказаний оракула.

Руднев с Белецким обнаружили свои карточки на центральных креслах в первом ряду.

– Я собирался посмотреть на все это со стороны, но, похоже, оракул сам решил понаблюдать за нами, – проворчал Руднев, занимая отведенное ему место.

– Если вы надеялись разгадать секрет фокуса, то наша позиция самая выгодная, – утешил его Белецкий.

Когда все посетители наконец расселись, снова прозвенел гонг, и в зале воцарилась тишина.

Золотистая занавесь дрогнула и с тихим шелестом поползла вверх, пока край ее не остановился на половине высоты от пола до потолка.

Понять размеры открывшегося пространства было невозможно, так как границы его растворялись в непроглядной мгле. Посреди него на высокой треноге, сияющей золотым блеском, восседала с ног до головы укутанная в алые шелковые покрывала женская фигура. У подножья треноги стояла бронзовая чаша, курившаяся тонким прозрачным лиловым дымом. Принюхавшись, Дмитрий Николаевич уловил густой запах ладана, жженого лавра и еще каких-то благовоний.

С минуту женская фигура на треноге была недвижима, а после медленно подняла голову.

Пифия взглянула в зал взглядом широко распахнутых глаз, сфокусированных, казалось, на чем-то за гранью этого мира. Лицо вещуньи было застылым, не выражающим ничего, словно лицо античной статуи. Внезапно уста ее разомкнулись, и тихий грудной голос, совсем непохожий на тот, что слышали Руднев с Белецким накануне, размерено произнес:

– Великий оракул готов говорить со смертными. Вопросайте.

Призыв этот прозвучал как-то так, что Дмитрий Николаевич неожиданно для себя почувствовал, как по коже у него бегут мурашки. И раньше, чем он успел сбросить с себя тревожное наваждение, из-за спины у него раздался первый вопрос, заданный очень пожилой дамой:

– Сын мой, Мишенька, на Дальний Восток направлен служить... Скоро ль вернется? А как вернется, женится ли в срок? Очень уж хочу я внуков успеть понянчить...

Попа пифии не переменялась. Взгляд оставался все таким же отрешенным и нездешним.

– Голос рода... – глухо произнесла она. – Коли он вызывает к смертным, так ничто не может противостоять ему... Не вопрошай, смертная, сама на зов иди... Успеть может лишь тот, кто поспешает...

– Это ж как понимать-то? – переспросила старая дама. – Самой мне, что ли, к Мишеньке поехать?.. А ведь и то верно, душенька! Чего ждать-то? И так ведь, как старый гриб, все на одном месте...

– Ответь мне, пифия! – перебил старуху молодой человек болезненного байроновского вида. – Когда наконец представится этот черт жадный и я получу наследство? Ведь уж сколько лет на ладан дышит, а, глядишь, и меня переживет!

– Все в свое время случается, – ответствовала пифия. – Не рано. Не поздно. Точно в срок.

– И мне ответь! – спросил господин, сидевший рядом с Рудневым. – Как дело-то мое в суде? Выгорит ли?

– Тому, за кем правда, нет причин о судах беспокоиться. Ни о земных. Ни о небесных, – прозвучало в ответ.

Вопросы посыпались со всех сторон. Одни из них были серьезными, другие – пустяшными, и на все на них пифия отвечала туманно и расплывчато. Однако публика, находящаяся в каком-то особом душевном возбуждении, оставалась довольна. Казалось, вопрошавшие не очень-то и стремились получать конкретные ответы на свои вопросы и удовлетворялись туманными откровениями, неопределенность которых позволяла им слышать именно то, что они и желали услышать.

Дмитрий Николаевич склонился к Белецкому и шепнул ему на ухо:

– Говорил же я тебе, все это дешевая мистификация. Она, как любая гадалка, дает ответы, которые трактовать можно по-любому.

– Подождите, Дмитрий Николаевич, – тихо ответил Белецкий. – Сеанс еще не окончен. Возможно, вы измените ваше мнение об уровне мистификации.

Прошло еще минут десять, в течение которых характер предсказаний нимало не поменялся, но внезапно пифия вздернула голову выше и повела невидящим взглядом, будто высматривая кого-то среди гостей.

– Тише! – повелительно сказала она. – Тише, смертные! Великий оракул желает слышать невысказанный вопрос.

Зал затих.

Прорицательница подняла руку. Ее указующий перст твердо и однозначно был направлен на Дмитрия Николаевича.

– Ты! – произнесла она, возведя очи горе. – Ты пришел сюда со множеством вопросов, но не задал ни одного. Уста твои немы, но разум и сердце алчут ответов. Так вопрошай же!

Тишина в зале была такой, что заданный Рудневым вполголоса вопрос был услышан каждым из находящихся в зале.

– Где няня Агаты?

– Дмитрий Николаевич, это жестоко! – возмущенно прошипел Белецкий на ухо другу.

Ни одна черта не дрогнула в прекрасном лице пифии, а палец ее по-прежнему указывал на Руднева.

– Там же, где десять остальных, о которых ты хочешь спросить, – прозвучал ответ, и Дмитрию Николаевичу почудилось, что его окатили холодной водой.

– Где именно? – спросил он, напряженно подавшись вперед.

Рука пифии задрожала и опустилась. Она уронила голову на грудь и вся поникла, словно силы полностью оставили ее. Золотистый занавес упал, отгородив треногу от зала.

Несколько секунд в зале еще сохранялась тишина, а потом посетители зашевелились, заговорили, поднялись с мест и направились к выходу.

– Что это было? – ошеломленно спросил Руднев, поворачиваясь к Белецкому.

– Я думал, вы мне объясните, – нахмурился тот. – Вы же намеривались разгадать фокус... Как думаете? Может, пора привлечь к разгадыванию Анатолия Витальевича с его кавалерией?

– Это успеется, – возразил Дмитрий Николаевич, решительным шагом направляясь прочь из «святылища». К нему вернулся его рационально-скептический настрой. – Сперва давай-ка сами испросим объяснений у чаровницы.

В дверях они наткнулись на запыхавшегося фамильяра.

– Прекрасно все прошло! Не правда ли, господа?! – с обычной для него восторженностью воскликнул Иннокентий Федорович и, не дожидаясь ответа, прибавил: – Дмитрий Николаевич, их ясновидение просят вас пожаловать к ней. Извольте следовать за мной!

– На ловца и зверь бежит, – пробормотал Белецкий, шагнув вслед за Рудневым, но Золотцев решительно преградил ему дорогу.

– Их ясновидение велели привести только лишь господина Руднева!

– Нет уж! – возразил Белецкий. – Мы пойдем оба. Если вам так будет понятнее, я фамильяр Дмитрия Николаевича и обязан его сопровождать. Вы же меня понимаете?!

Но Иннокентий Федорович понимать не желал.

– Госпожа ожидает исключительно господина Руднева, – повторил он с настойчивым раздражением.

– Подожди меня, Белецкий, – попросил Дмитрий Николаевич.

– Если я правильно понял настроение ее ясновидения, вам, господин Белецкий, придется ждать долго, – заметил фамильяр.

– В смысле? – спросил Руднев.

– В том смысле, что их ясновидение оказывает вам честь пригласить вас на ужин, Дмитрий Николаевич.

– Тогда, Белецкий, поезжай домой, – велел Дмитрий Николаевич, игнорируя встревоженный взгляд друга. – Отказаться от предложения госпожи Флоры было бы неучтиво с моей стороны.

Золотцев провел Руднева во внутренние покои особняка и остановился перед высокой двустворчатой дверью, расписанной яркими тропическими цветами и диковинными райскими птицами.

Фамильяр критически осмотрел Дмитрия Николаевича с ног до головы, смахнул с его рукава несуществующую пылинку и удовлетворенно прихлопнул в ладоши. Церемония эта была Рудневу неприятна, поскольку заставила почувствовать себя едва ли не именинным подарком.

– У вас есть какие-то замечания к моему внешнему виду? – спросил он натянуто.

– Нет, что вы! Вы великолепно выглядите, Дмитрий Николаевич! – не уловив сарказма, ответил Иннокентий Федорович и с поклоном распахнул дверь. – Входите! Вас ожидают!

Руднев вошел и замер, пораженный необыкновенной обстановкой комнаты.

Это была круглая зала с куполообразным потолком в форме раковины, выложенным мозаикой из перламутра. Стены имели светлый золотисто-охровый оттенок и были украшены расписным фризом в тех же мотивах, что и орнамент на двери. Этот же рисунок повторяла мозаика на полу. По периметру располагались двенадцать дорических колон из черного мрамора. В центре – на высоте четырех ступеней, также выложенных черным мрамором, возвышался подиум с двумя золочеными фонтанами в форме цветков лилии и пятью золочеными же напольными светильниками в виде обнаженных женских фигур в полный рост с огненными чашами в руках.

Между фонтанами на подиуме находился лектус, покрытый леопардовой шкурой, а перед ним – инкрустированный золотом и слоновой костью стол, изысканно сервированный и украшенный живыми цветами. Подле стола стоял обитый черным бархатом климос.

Сколь ни впечатляющим был интерьер залы, произведенный им эффект не мог и близко сравниться с тем, что испытал Руднев при виде ожидавшей его последней дельфийской пифии.

Флора возлежала на лектусе, небрежно облокотившись о подушки. На ней была лишь подпоясанная золотой цепочкой туника из белоснежной тончайшей ткани, едва доходившая женщине до середины бедра. Мягкие складки легкой материи ни в коей мере не скрывали, а лишь подчеркивали каждый изгиб ее прекрасного тела. Пышные волосы, подхваченные алой лентой, темным водопадом рассыпались по плечам и ниспадали на полуобнаженную грудь. Флора задумчиво перебирала тяжелые золотые браслеты, унижавшие ее тонкую точеную руку.

Лицо прорицательницы было почти таким же отрешенным и бесстрастным, как во время сеанса.

Внезапно Флора будто очнулась от своих мистических грез, подняла глаза на гостя, улыбнулась и тихо произнесла:

– Что же вы стоите, Дмитрий Николаевич? Присаживайтесь, – она кивнула на клисмос. – Составьте мне компанию. Я не люблю ужинать в одиночестве.

Страхнув с себя оцепенение, Руднев поднялся на подиум и сел напротив пифии, даже не попытавшись заставить себя отвести взгляд от прекрасных очертаний изящного и гибкого тела.

– Вы так и будете молчать, Дмитрий Николаевич? – продолжая улыбаться, спросила Флора. – Хотите вина?

– Благодарю вас, сударыня, я и без того чувствую себя опьяненным, – ответил Руднев и налил вина в протянутую пифией чашу античной формы.

– Напрасно, – сказала она, пригубив напиток. – Это вино присылает мне один испанский гранд. Ему более ста лет. Вину, разумеется...

– Что же такое вы предсказали этому гранту, что он так щедр?

– Поверьте, это скучная история... – Флора повела плечами, и ее колыхнувшаяся грудь вновь приковала к себе взгляд Дмитрия Николаевича. – О чем вы так напряженно думаете, господин Руднев?

– Я не осмелюсь озвучить всех своих мыслей, – признался он, принудив себя поднять глаза и уж смотреть ей в лицо. – Но, если вы позволите, сударыня, я спрошу. Кто тот счастливчик, которому вы делаете часть, позволяя скрашивать ваше одиночество за ужином?

– Вы ревнуете?

– У меня нет на это никакого права... Но я ему завидую.

Мадмуазель Флора провела тонким пальцем по краешку своего бокала.

– Выбор не за мной. За оракулом, – произнесла она.

– Ваш оракул безжалостен к своим соперникам!

– Почему вы так говорите?

– Потому, что всякому мужчине мучительно одновременно столь безнадежное и столь отчаянное вожеление.

– Отчего же безнадежное?

Руднев удивленно поднял брови.

– Ваш фамильяр давеча уверял, что пифия, чтобы не потерять свой дар, обязана хранить целомудрие и верность оракулу.

– Иннокентий Федорович слишком буквально воспринимает некоторые вещи...

– Вот как?... – произнес Дмитрий Николаевич, неотрывно глядя ей в глаза. – Сударыня, мое естество принуждает меня толковать ваши слова слишком уж однозначно. И если у вас нет намерения, которое бы было для меня невыразимо желанным и крайне лестным, не искушайте меня. Ваш... олимпийский... образ и без того будоражит меня сверх всякой меры.

В глазах пифии пробежала тень тщеславного удовольствия, но тут же лицо ее сделалось невинным и удивленным.

– Неужели мой облик смущает вас, Дмитрий Николаевич? На ваших картинах случаются куда как более откровенные женские образы.

– Я не сказал «смущает». Но вы не моя натурщица, и оставаться равнодушным к вашим чарам мне сложно... Зачем вы так откровенно дразните меня, мадмуазель?

Последние слова Руднев произнес уже абсолютно ровно и холодно.

Пифия остро сверкнула на своего собеседника глазами, а потом неожиданно зло рассмеялась.

– Затем, чтобы отомстить вам за ваше бессердечие.

– О чем вы?

– О вашем вопросе!

– Сожалею, если причинил вам страдание.

– Ничего вы не сожалеете! – гневно воскликнула пифия. – Не лгите! Ни тогда, ни сейчас вам дела нет до моих чувств! Вы явились лишь за тем, чтобы получить ответы на свои вопросы.

– Не стану спорить с вами, сударыня. Но у меня есть оправдание. Моя цель – найти убийцу вашей сестры. И потому позвольте мне продолжить расспросы. Что вам известно о случившемся? Где, по-вашему, может находиться няня вашей сестры? Что означает ваш ответ мне сегодня? И зачем вы придумали историю про перчатку?

Флора опустила глаза и снова принялась играть браслетами. Руднев терпеливо ждал. Наконец она вскинула голову и посмотрела на Дмитрия Николаевича с вызовом.

– Вы ведь не верите в оракула? Так? – спросила она.

– Нет, сударыня, – ровно ответил Руднев. – И более того, уверен, что и вы в него не верите. Вы умная женщина, прекрасно разбирающаяся в человеческой натуре, а кроме того, талантливая актриса. Этих качеств более чем достаточно, чтобы создать вполне убедительный образ пифии и разыгрывать сеансы предсказаний перед теми, кто сам желает быть обманутым. Я прав?

– Лишь отчасти, – качнула своей очаровательной головой Флора, и Дмитрию Николаевичу снова пришлось собирать волю в кулак, чтобы не сосредотачиваться на изящном изгибе ее шеи и не проследивать взглядом легкое движение темного локона, соскользнувшего с плеча во впадину между высокими тугими грудями ворожеи.

– Сударыня, не пытайтесь морочить мне голову! Мне нужна правда!

Флора прикрыла глаза и насмешливым тоном произнесла:

– Я просто-таки представляю вас, Дмитрий Николаевич, рыцарем в белых доспехах, на щите которого начертано: «Je veux la vérité!» (*фр. Мне нужна правда!*)

– У вас богатое воображение, сударыня! – парировал Руднев. – Но я прошу вас отвлечься от ваших фантазий и ответить.

– Мне нечего вам ответить, Дмитрий Николаевич! Я не знаю ответа ни на один из ваших вопросов, – пифия устало откинулась на подушки и смотрела на Руднева из-под густых темных ресниц.

– Мадмуазель, математическая статистика решительно возражает против подобных совпадений!

– Совпадения тут ни при чем, сударь! Неужели вы до сих пор не поняли?! Это были настоящие прорицания!

– Что?!

– Дмитрий Николаевич, вы во многом правы! Да, большая часть моих предсказаний – мистификация. Я просто понимаю по вопросам, что хотят услышать люди, и отвечаю соответственно. Но это не всегда так! Иногда оракул и впрямь вещает через мои уста!

Руднев с недоумением смотрел на пифию. Казалось, женщина сама верила в то, о чем говорила.

– Сударыня, – мягко произнес наконец Дмитрий Николаевич. – Вы хотите сказать, что, когда вы сегодня отвечали на мой вопрос, это был реальный ответ оракула? И про обожженную руку тоже вещал он?

– Да, господин Руднев. Именно это я и пытаюсь вам объяснить. Я настоящая пифия. И не важно, готовы вы в это поверить или нет...

Дмитрий Николаевич нахмурился.

– Я вижу, вы не хотите быть со мной откровенны, сударыня, – сказал он сухо и поднялся. – В таком случае нет смысла продолжать наш разговор. Честь имею откланяться, мадмуазель.

Руднев направился к двери, но не успел он сделать и десятка шагов, как за спиной его раздался шорох. Дмитрий Николаевич резко обернулся.

Мадмуазель Флора сидела абсолютно прямо. Лицо ее помертвело и застыло в какой-то необъяснимой пугающей гримасе. Невидящий взгляд широко распахнутых глаз пифии слепо шарил по комнате, пока не остановился на Рудневе. Ее рука, унизанная золотыми браслетами, поднялась в давешнем указующем жесте.

– Ты! – провозгласила пифия низким грудным голосом. – Задай свой вопрос!

От этого неживого голоса, а пуще от пронзительного взгляда, вперяющегося в него, у Дмитрия Николаевича холодок пробежал по спине и сердце забилося гулками тяжелыми ударами.

– Задай свой вопрос, смертный! – повторила пифия.

– Прекратите этот спектакль, – тихо произнес Руднев.

Хотя он не на йоту не верил в реальность происходящего, в горле его отчего-то пересохло.

– Задай вопрос! – настаивал грудной голос. – Тебе не уйти от ответа!

Дмитрий Николаевич чувствовал себя раздосадованным на нелепую комедию, что разыгрывала перед ним Флора, а еще более на то, что на несколько секунд поддался на эту игру и испугался.

– Прощайте, сударыня, – сердито бросил он и снова повернулся к двери.

– Тебе не уйти от ответа! – повторила пифия ему в спину. – Знай же, смертный! Ты есть всему причина! За твои грехи агнец невинный принял смерть на кресте!..

– Аминь! – не оборачиваясь, сквозь зубы процедил Руднев и снова пошел прочь.

Дойдя до двери, он не выдержал и обернулся.

Флора недвижимо лежала на лектусе. Голова ее откинулась, глаза были закрыты.

– Мадмуазель Флора? – позвал Руднев, ответа не последовало.

Дмитрий Николаевич вернулся к подиуму, обошел стол и склонился над женщиной. Дыхание ее было ровным, веки слегка вздрагивали. Последняя дельфийская пифия спала.

В голове Дмитрия Николаевича мелькнуло подозрение. Он взял бокал Флоры и понюхал его содержимое, но никакого постороннего запаха не почувствовал. Руднев смочил в вине салфетку и, забрав ее с собой, вышел из зала.

Проходя через этаж, он увидел открытую дверь в то помещение, где ранее проходил сеанс предсказаний. Там было темно. Он вошел, пошарил по стене рукой и нащупал выключатель.

Тусклый электрический свет неясно осветил зал. Руднев обогнул ряды стульев и заглянул за золотистый занавес. Там тоже неярко горела пара электрических ламп. Обитые черным крепом стены создавали иллюзию теряющегося во тьме пространства. По центру стояли тренога и курительница. Более ничего интересного здесь не было. Зал выглядел скучно и прозаично, но Дмитрий Николаевич все же потратил несколько минут на методичный осмотр пола, занавеса и стен, да так ничего и не нашел. Если у пифии и был оракул, скрывала она его явно не здесь.

Глава 7

Когда Дмитрий Николаевич покинул особняк Миндовского, город уже окутывали мягкие вечерние сумерки. Едва он ступил за ворота, от стены соседнего здания отделилась высокая узкая фигура и направилась в его сторону.

– Белецкий, ты почему домой не поехал? – спросил Дмитрий Николаевич, узнав друга. – Или ты меня тут до утра сторожить собирался?

– Мадмуазель намеревалась задержать вас на всю ночь? – поинтересовался в ответ Белецкий.

– Даже и не знаю, что тебе ответить, – признался Руднев. – В какой-то момент я не исключал такой возможности. Но, как оказалось, у нашей пифии были иные намерения.

Дмитрий Николаевич коротко рассказал обо всем происшедшем в зале с фонтанами.

– Напрасно вы давеча жаловались, что вечер у вас нудный намечается, – заметил Белецкий и добавил: – Кстати, мне тоже скучать не пришлось. Пока я вас дожидался, тут преинтереснейший спектакль развернулся с господином фамильяром в главной роли, – и он принялся рассказывать:

– Спустя минут десять после того, как вас препроводили на ужин, Золотцев вышел и занял место во-он на том углу, – Белецкий указал рукой на дальний от ворот угол особняка, выходящий на Скарятинский переулок и скрытый от окон дома густо разросшимися кустами сирени. – Как выяснилось, у него там несколько *rendez-vous* (*фр. встреча*) было назначено с довольно-таки занятными личностями. Двое были похожи на третьевощних филеров, один ливрейный, барышня какая-то, какой-то вполне себе приличный молодой господин, я бы предположил, доктор или инженер после университета, и трое уличных мальчишек. Со всеми ними Иннокентий Федорович имел непродолжительную беседу. С некоторыми что-то передавал из рук в руки. А с мальчишками и молодым человеком он даже поругался в своей экспрессивной манере...

– Думаю, это были его осведомители, – перебил Белецкого Дмитрий Николаевич. – Кажется, тебе, Белецкий, удалось раскрыть тайну предсказаний нашей дельфийской дивы!

– Все возможно, – скромно ответил Белецкий. – Но это не конец истории! Буквально перед тем, как вам выйти, фамильяр снова появился, но на этот раз не один. С ним была женщина, закутанная в какие-то шали, словно Шахерезада. Душевное состояние Золотцева было крайне возбужденным. Он что-то выговаривал своей спутнице, пока ловил извозчика и сажал ее в коляску, а потом все по сторонам озирался, будто опасался соглядатаев. Меня он, к слову сказать, не заметил... Однако самое интересное не это! Занятнее всего было то, что мне удалось увидеть, когда Шахерезада в экипаж садилась и все эти ее калиптры слегка распахнулись. Так вот, на этой таинственной особе была золотая маска во все лицо, вроде Вольто⁴.

– Маска? – изумился Руднев и посетовал. – Жаль, что ты за ней не последовал и не выяснил, кто эта таинственная Шахерезада.

– Даже если бы я имел такое намерение, мне бы не удалось, – ответил Белецкий. – Когда фамильяр наконец убрался и мне уже не грозило быть замеченным, коляска скрылась в переулке. Пока бы я ловил извозчика, она бы окончательно потерялась. Да и опасался я, Дмитрий Николаевич, вас одного оставлять. Не нравится мне...

Что именно ему не нравится, Белецкий не досказал, вместо этого он внезапно одной рукой зажал Рудневу рот, а второй ухватил за плечо и толкнул в тень соседнего дома, в ту самую, где до этого скрывался сам.

⁴ *Вольто* (от ит. *Volto*) – подвид венецианской маски, которая в наибольшей степени повторяла очертания человеческого лица.

– Тише! – шепнул он, убирая руку от лица Дмитрий Николаевича. – Смотрите!

С крыльца особняка Миндовского, звонко стуча каблучками по мраморным ступеням, сбежала стройная женщина и торопливым шагом поспешила вверх по Поварской улице.

– Похоже, это Флора, – прошептал Белецкий, и Руднев утвердительно кивнул, узнав платье, которое видел на пифии накануне. – Куда это она на ночь глядя, да еще пешком?

– Пойдем за ней и узнаем, – тихо ответил Дмитрий Николаевич.

Мадмуазель Флора, очевидно, очень спешила и волновалась. Ее темные волосы небрежно выбились из-под шляпы, и она постоянно поправляла их нетерпеливым жестом. Время от времени женщина едва ли не переходила на бег, придерживая юбку так, что были видны ее изящные щиколотки.

Выждав, когда женщина отошла на полсотни шагов, друзья направились за ней.

Дойдя до самого начала Поварской, последняя дельфийская пифия остановилась у ограды церкви Симеона Столпника и оглянулась, словно кого-то поджидая.

Руднев с Белецким тоже остановились и притаились на углу Грачевской усадьбы.

Женщина продолжала топтаться у церковной ограды и нетерпеливо поглядывать по сторонам. Волосы ее совсем растрепались. Она сняла шляпку, заправила непослушные пряди и принялась закреплять шпильки. Даже с того расстояния, на котором находились от нее Руднев с Белецким, было очевидно, что волнение пифии достигло крайности. Руки ее не слушались. Она выронила шпильку и резко наклонилась за ней.

– Черт! – вдруг воскликнул Руднев. – Какой же я дурак!

– Что случилось? – встревоженно спросил Белецкий.

– Это не она! Не Флора!.. Линия плеч! Руки!.. Это другая женщина! Да и платье! Какая дама два дня подряд станет одно и то же платье надевать?!

– Но к чему такой маскарад?!

Руднев схватил Белецкого за локоть и дернул обратно в сторону особняка Миндовского.

– К тому, чтобы отвлечь нас! Надо скорее вернуться!

Тут из церковного сада раздался свист. Мнимая Флора встрепенулась и скользнула в незапертую калитку.

Друзья на мгновение застыли в нерешительности. Наконец рассудительный Белецкий сказал:

– Дмитрий Николаевич, если от нас хотели что-то утаить, у них уже было добрых минут пять-семь... Я думаю, возвращаться нет смысла. А здесь, глядишь, что-то и узнаем.

Руднев согласился, и они поспешили вслед за неизвестной.

Женщина пересекла церковный двор и свернула на дорожку, ведущую в сад, изрядно заросший и уже темный. Друзья стали опасаться, что в этом сумраке потеряют мнимую Флору из вида, но сократить расстояние между ней и собой не решались, поскольку в ночной тиши звуки даже самых затаенных шагов оказывались отчетливо слышимыми.

– Там в конце сада есть дом, – шепнул Руднев. – Говорят, в нем сто лет назад Мочалов⁵ жил. Похоже, она туда идет.

– Сейчас этот дом пустует, – заметил Белецкий. – В газетах писали, что его разобрать хотели, да какое-то там дамское общество любителей театра в память о Мочалове не позволило.

Дорожка, по которой они продвигались, резко повернула, и женщина в платье Флоры перестала быть им видна за густыми зарослями чубушника и сирени. Руднев с Белецким прибавили шага, и тут спокойную тишину церковного сада разорвал испуганный женский крик.

⁵ Руднев говорит о великом русском актере Павле Степановиче Мочалове, который действительно какое-то время жил в доме, находящемся на церковном участке храма Симеона Столпника.

Друзья кинулись бегом. Им хватило десяти секунд, чтобы обогнуть плотные кусты и снова оказаться на прямом участке дорожки в полусотню саженей, упирившемся в крыльцо приземистого деревянного дома с четырехскатной крышей и покосившейся трубой.

Женщины на дорожке не было.

Друзья замерли, напряженно прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Ни единого движения и ни единого шороха не нарушали ночной покой сада. Белецкий двинулся к зарослям в надежде обнаружить в них какую-нибудь тропу, но тут Дмитрий Николаевич тронул его за рукав и указал на дом.

– Там свет!

Присмотревшись, Белецкий тоже заметил, что в окнах пустого дома виделось едва различимое неровное свечение.

Друзья снова сорвались с места, но не успели они сделать и пары шагов, как в воздухе что-то зашипело, а потом по обеим сторонам дорожки с громким хлопком полыхнули ослепительные вспышки. Руднев с Белецким бросились на землю. Снова раздалось шипение, на этот раз гораздо более громкое, постепенно перерастающее в треск и вой. Сделалась совсем светло.

Сообразив первым, что происходит, Дмитрий Николаевич поднял голову и пихнул друга.

– Белецкий, это шутихи!

Он был прав. Вдоль дорожки стоял ряд горящих римских свечей.

Белецкий выдал замысловатую неперебиваемую немецкую тираду и вслед за Рудневым поднялся на ноги.

– Что здесь творится? – спросил он, отряхиваясь с безразличностью попавшего под дождь кота.

– Кто-то над нами так оригинально шутит! – сердито отозвался Дмитрий Николаевич и направился к деревянному дому. – Уверен, псевдо-Флора нарочно нас сюда заманила!.. Мне начинает надоедать этот балаган! Пифии! Предсказания! Теперь еще и фейерверки! Идем, Белецкий! Надеюсь, шутники там! Мне бы очень хотелось обозначить им степень своего восторга!

Когда они дошли до дома, сад снова окутали тишь и темнота. Эмоциональный накал, вызванный экстравагантным розыгрышем, у друзей спал, и к ним снова вернулись хладнокровие и осторожность.

Не доходя до строения двадцати шагов, они свернули в заросли и осторожно пробрались к тускло светившемуся окну.

Подав Дмитрию Николаевичу знак оставаться на месте, Белецкий беззвучно скользнул вдоль стены, заглянул в окно и, переменившись в лице, отпрянул.

– Не подходите! – резко приказал он Рудневу.

– Что там? – спросил Дмитрий Николаевич, почувствовав, как дурное предчувствие медленно и мутно заползает в душу.

– Думаю, это «Снятие с Креста», – глухо ответил Белецкий.

Оставив Белецкого дежурить в церковном саду, Руднев поспешно вернулся в особняк Миндовского, чтобы задать его обитателям несколько вопросов и вызвать полицию.

Едва Дмитрий Николаевич позвонил, дверь распахнулась и, чуть не сбив Руднева с ног, на крыльцо выскочил господин Золотцев.

– Ах! Это вы! – воскликнул он, и изумление в его голосе смешалось с разочарованием и отчаянием.

– А вы кого ожидали? – спросил Дмитрий Николаевич, которого в этот момент экспрессивность фамильяра совсем не забавляла.

– Доктора, разумеется! – едва не срываясь на истерику и ломая руки, отвечивал Иннокентий Федорович.

– А что случилось? Кому требуется доктор?

Фамильяр ухватился за сердце, что вкупе с его бледной и перекошенной от волнения физиономией создало впечатление, что врач необходим именно ему.

– Их ясновостию! – заголосил фамильяр.

Руднев втокнул Золотцева в прихожую и сам вошел следом.

– Объясните толком, что случилось! – потребовал он, встряхнув фамильяра за отвороты пиджака. – Что с мадмуазель Флорой?

– Она не просыпается! – зарыдал Иннокентий Федорович. – Мы не можем ее разбудить!

– Ведите, – приказал Руднев и пихнул фамильяра к лестнице.

Золотцев опаматовался и помчался вверх, скача через две ступени.

– Это такое несчастье!.. Мы так напуганы!.. Как вы ушли, так она и не просыпается! Я не переживу, если с их ясновостию что-нибудь случится! Не переживу! – тараторил он дрожащим голосом.

Иннокентий Федорович привел Дмитрия Николаевича в уже знакомую ему комнату с золотыми фонтанами и черными колоннами.

Мадмуазель Флора лежала на устланном леопардовой шкурой лектусе и была прикрыта клетчатым английским пледом, абсолютно не вязавшимся ни с интерьером залы, ни с одеянием пифии, которое, судя по обнаженным плечам и унизанным золотыми браслетами выпро- станными из-под пледа рукам, оставалось тем же, в котором она давеча принимала Руднева. Подле античного ложа суетились две девушки в платьях горничных. Одна из них совала под нос Флоре флакон с нюхательной солью, а вторая брызгала бесчувственной женщине в лицо водой.

– Вот! Вы видите! Это ужасно! Кажется, она уже не дышит! – возопил фамильяр и снова принялся ломать руки.

Дмитрий Николаевич подошел к Флоре и стал нащупывать у нее на шее слабый пульс.

– Дайте зеркало, – велел он и поднес поданную безделушку к слегка приоткрытому рту пифии.

Стекло запотело.

– Она жива и дышит, – констатировал он. – Как давно вы послали за доктором? Если ждать более получаса, лучше прямо сейчас везти ее в больницу.

Но ждать не пришлось. В сопровождении лакея в комнату вошел седоволосый поджарый господин лет шестидесяти в золотом пенсне и старомодной тройке. При нем был докторский чемоданчик.

– Доктор! Доктор! Помогите! – рыдающий Иннокентий Федорович вцепился эскулапу в руку и потащил его к своей бесчувственной госпоже. – Спасите ее, доктор!

Врач выдернул руку и отстранил от ложа суетящихся горничных.

– Не мешайте, – сухо потребовал он. – Расскажите, что произошло?

– Она... Она умирает!.. Она не дышит!.. – продолжал вносить сумбур убитый горем фамильяр.

– Доктор, я думаю, ее чем-то опоили, – обратился к врачу Дмитрий Николаевич. – Она при мне выпила вино, а после, через несколько минут, начала засыпать.

– Когда это произошло? – строго спросил доктор.

– Чуть меньше часа назад. Может, минут сорок.

– Отчего же вы сразу меня не позвали?

– Я не понял, что происходит что-то странное. У меня были основания считать... что имеет место мистификация.

Доктор буркнул что-то неопределенное и склонился над спящей.

Дмитрий Николаевич отошел от лектуса и обратил свое внимание на стол, который по-прежнему был уставлен изысканными яствами на стилизованных под античность блюдах. Среди всего этого гастрономического изобилия стояла початая бутылка испанского вина.

Руднев забрал бутылку. Подхватил под руку метавшегося по подиуму фамильяра и выволок его в коридор.

– Иннокентий Федорович, я передам вино на экспертизу. И мне нужен телефон. А еще я хочу знать, все ли особы женского пола, которые помимо мадмуазель Флоры живут в этом доме, находятся сейчас здесь?

Не то строгий голос Дмитрия Николаевича, не то странный набор высказанных им требований отчасти вернули Золотцева в разум.

– Да-да! Конечно! Вы правда думаете, что кто-то пытался отравить их ясновидие?..

– Иннокентий Федорович, мне нужен телефон! – настойчиво повторил Руднев.

– О! Разумеется! Пройдемте в мой кабинет. Вы что-то еще про женщин спросили?

– Я попросил с вас отчет о том, кто из проживающих в доме женщин сейчас отсутствует, – Дмитрий Николаевич перешел на ту свою повелительную манеру, в которой разговаривал редко, но которой мало кто осмеливался перечить.

– Я выясню, – послушно согласился фамильяр.

Он проводил Руднева в свой кабинет и оставил его там одного, заявив, что пойдет пересчитывать по головам женский персонал.

Дмитрий Николаевич сообщил в полицейскую часть о страшной находке и, вызволив дежурного в конторе сыскного управления, велел вызвать Терентьева.

К тому времени, как он окончил звонить, Золотцев еще не вернулся. Воспользовавшись этим, Дмитрий Николаевич осмотрел захламленный письменный стол фамильяра. Беспорядок там царил такой, что взгляд не сразу находил, за что зацепиться. Среди всего этого хаоса, словно последний выживший на поле брани, возвышалась бронзовая статуэтка гоплита высотой в фут. Античный воин держал в руках острое копьё, причудой хозяина кабинета используемое для хранения визитных карточек, коих на него было нанизано не менее пары дюжин. Последней на копьё была наколота карточка самого Руднева, и, видимо, этим коллекция визиток привлекла внимание Дмитрия Николаевича.

Руднев принялся перебирать картонные прямоугольники, дивясь разнообразию оных. Были здесь и карточки с гербами или министерскими эмблемами, и тесненные золотом дамские карточки, источающие тонкий аромат дорогих духов, и строгие лаконичные каточки рядовых служащих, и простые прямоугольники дешевой желтоватой бумаги с подписанными от руки фамилией и именем. Дмитрий Николаевич уж почти потерял интерес к трофеям бронзового гоплита, но тут на глаза ему попала карточка, вроде ничем и не выдающаяся, но от взгляда на которую у Руднева сбилось дыхание.

На простом белом картоне незатейливым типографским шрифтом было начертано: «А. Я. Яшмовый. Раскрытие тайн древнего Алтая», а рядом совсем не к месту был отчего-то изображен древнеславянский символ солнцеворота.

В жизни Дмитрия Николаевича Руднева бывало разное. Бывало и то, о чем он не желал вспоминать, а, вспоминая, содрогался. Он повидал много жестокости и зла, которое одни люди совершали в отношении других. Ведал примеры подлости и бесчестия, которые способны были подорвать веру в божественное человеческое начало. Случалось ему самому оказываться на волосок от смерти, а совесть его тяготили деяния, о которых было бы ему верным просить прощания у Всевышнего, но о которых он не упоминал на исповеди, так как, хоть и видел в них грех, раскаяния в себе не находил, зная, что творимое им зло останавливало зло еще большее.

Но, помимо всего это, был в памяти Дмитрия Николаевича темный каземат, куда он страшился заглядывать, который запер на сотню запоров и запечатал печатями. Там жили демоны страха и боли, вырывавшиеся иной раз в кошмарных снах и выжигавшие Дмитрию Николае-

вичу душу дотла. Страдания от невозполнимой утраты, ужас лютой смерти, которой он чудом избежал и напоминание о которой прятал под перчаткой, потрясение от впервые постигнутого знания того, что один человек взаправду способен безжалостно убить другого человека – все это, пережитое им много лет назад, когда был он еще мальчишкой, но так и не принятое им по сей день.

И вот теперь при взгляде на странную визитную карточку Дмитрий Николаевич почувствовал, как дрогнула запретная дверь, как поддались запоры и печати стали спадать одна за одной, а из темного небытия раздалась рвущие душу скрежет когтей и вой вечного его кошмара.

Буквы на карточке запрыгали. Руднев оперся рукой о стол и потряхнул головой. «Вздор! Не смей!» – приказал он себе и нечеловеческим усилием воли усмирил зверя.

В этот же момент в кабинет вернулся господин Золотцев.

Руднев сунул загадочную карточку в карман.

– Доктор говорит, ей лучше! – ликующе сообщил Иннокентий Федорович. – Сказал, что опасности для жизни нет!.. Вколот ей что-то... Бр-р-р!... Иглой такой острой прямо в ручку ее нежную!..

– Камфару, должно быть, – машинально отозвался Руднев, все еще находившийся под впечатлением нахлынувших на него мучительных воспоминаний, и, вернув себе наконец самообладание в полной мере, спросил: – Вы выяснили, кто из женщин отсутствует?

– Все на месте! Я лично проверил! – с преувеличенной серьезностью отчитался фамильяр. – А почему вы, Дмитрий Николаевич, спрашиваете меня про это? Скажите, вы кого-то из них подозреваете в покушении на их ясновидение? Объясните мне, что происходит!

Взгляд Руднева, за мгновение до того отстраненный и рассеянный, сделался острым и пронизательным и пристально впился во взбудораженную физиономию Золотцева.

– Я думаю, это вам следует мне многое объяснить, Иннокентий Федорович, – чеканя каждое слово, холодно произнес Дмитрий Николаевич. – И мы еще обязательно вернемся к этому разговору, а пока у меня еще один вопрос. Где то платье, в котором мадмуазель Флора была вчера, когда вернулась домой?

Фамильяр воззрился на Руднева совсем уж с испугом.

– Платье?.. При чем тут платье?! – взвизгнул он и слезно запричитал: – Царица Небесная! Да что же это такое?! Господин Руднев! Я с ума сойду!

Дмитрий Николаевич к переживаниям фамильяра остался безучастен.

– Мне нужно видеть это платье, – не терпящим возражения тоном повторил он.

Иннокентий Федорович еще раз нервно всхлипнул и, тараторя что-то насчет безумного дня и неописуемых волнений, повел Руднева в гардеробную госпожи.

Там они застали тревожно суetyающую статную чернявую девушку с характерными чертами жителей Эллады.

Золотцев заговорил с ней по-французски, пояснив Рудневу, что это горничная их яснословия, что она гречанка и по-русски ни слова не понимает. Взгляд темных миндалевидных глаз служанки был словно у испуганной лани, и она затравлено переводила его с фамильяра на Дмитрия Николаевича, невпопад бормоча: «*Oui, monsieur...*» (*фр. Да, господин.*)

Иннокентий Федорович пустился в какое-то избыточное несвязное объяснение, что, дескать, вот господин Руднев, который проявляет особое участие и проводит разбирательство произошедшего с их яснословием прискорбного происшествия и все в том же духе, так что Дмитрий Николаевич не выдержал, перебил его и потребовал показать ему дорожное платье, в котором мадмуазель Флора была накануне.

Горничная потупила взгляд и ответила, что платье не вычищено, и что застежка на поясе порвалась, и что в таком виде его не пристало демонстрировать незнакомому господину, и Дмитрию Николаевичу пришлось повторить свою просьбу куда как более настойчивым тоном.

Гречанка мгновенье в нерешительности смотрела на него, а после достала из угла гардеробной означенное платье.

– Voilà! (*здесь фр. Вот, пожалуйста!*) – произнесла она едва ли не с вызовом, враждебно сверкая на Руднева темными корундовыми глазами.

Дмитрий Николаевич внимательно осмотрел платье и, ничего не сказав, вернул.

– У вас есть еще какие-нибудь вопросы? – спросил фамилляр, и в его тоне тоже послышалась неприязнь.

– Non, merci. C'est tout ce que je veux savoir (*фр. Нет, благодарю. Это все, что я хотел знать*), – неожиданно рассеянно ответил Руднев, в задумчивости теребя манжет рубашки и, очевидно, не заметив, как выпала запонка.

Горничная тут же наклонилась ее поднять.

– Vous avez fait tomber ça, monsieur (*фр. Вы обронили, господин*), – произнесла она и, присев в поклоне, отдала запонку Дмитрию Николаевичу.

Взгляд Руднева, враз утративший отрешенность, внимательно и цепко проследил ее движения. Он однозначно признал в горничной ту самую незнакомку, что, стоя у ограды церкви, поднимала шпильку.

– Иннокентий Федорович, на углу Скатертного переулка дежурит городской. Пошлите за ним немедленно. Эту женщину нужно задержать и препроводить в околоток, – приказал он.

Золотцев открыл было рот, чтобы что-то спросить или возразить, но Дмитрий Николаевич взглянул на него так, что фамилляр весь сжался и безропотно кинулся выполнять распоряжение.

Когда усатый громила-городовой, с минуту о чем-то тихо переговорив с Дмитрием Николаевичем, на глазах вконец перепуганной прислуги увел гречанку, Руднев, так ничего и не объяснив метавшемуся подле него и безостановочно причитавшему фамиллярю, покинул особняк Миндовского и вернулся к церкви Симеона Столпника.

Глава 8

Ночь перевалила за середину.

С того момента, как Белецкий обнаружил очередной «шедевр», прошло уже более двух часов.

Оккупировав казенную коляску, Дмитрий Николаевич ждал, когда из овечьего театральным флером строения вывезут трупы, и он сможет присоединиться к дознавателям.

На тот момент он уже ведал, что за произведение теперь вдохновило безумца. Это действительно оказалось «Снятие с креста», а по схематичному наброску, сделанного Белецким, Руднев узнал центральную панель алтарного триптиха кисти Пауля Рубенса.

В этот раз «живописец» уродовать трупы не стал, а сосредоточился на предметах неодушевленных. Были тут и саван, и лестница, и таз с терновым венком. Он даже воспроизвел алое одеяние святого Иоанна и синее – Богоматери.

– Убитый тот, кто изображает Христа? – спросил Руднев вышедшего к нему Анатолия Витальевича.

– Как вы догадались? – ответил вопросом на вопрос сыщик.

Он был мрачен и Рудневские загадки угадывать, очевидно, настроения не имел. Дмитрий Николаевич был ничуть не веселее.

– Пифия предсказала, – ответил Руднев и добавил. – Мутная история, Анатолий Витальевич, после расскажу.

– Пифия, стало быть... – ворчливо повторил Терентьев. – А я вам, Дмитрий Николаевич, без всякой метафизики могу назвать имя убиенного. Околоточный местный его признал. Это Аверьян Стасов, двадцати пяти лет отроду. Блаженный местный. Глухонемой. При церкви жил. Его в приходе чуть ли не за святого почитали. Дескать, руками исцелял, благодать душевную взглядом даровал.

– Агнец невинный...

– Что вы сказали?

– Нет, ничего. А что остальные?

– Остальные, по заключению Филиппа Ивановича, на первый взгляд, следов насильственной смерти не имеют. Думаю, это они из числа похищенных в Мариинском морге.

– Когда произошло убийство?

– Дягелев, как вы понимаете, точного ответа пока не дает, но говорит, что не более суток назад.

– Значит, после жертв с Ивановского... Убитый тоже был задушен?

– Да, и снова руками...

Терентьев ушел обратно в страшный дом, оставив Дмитрия Николаевича одного.

Короткая июньская ночь начала светлеть. На востоке за глухой порослью стала угадываться нежная предрассветная зорька. Все звуки – скрип колес, фыркание лошадей, приглушенные голоса, доносившиеся из проклятого дома, топотание и покашливание городских – сделались какими-то робкими и словно нездешними, едва-едва беспокоящими предрассветную тишину церковного сада. И лишь один звук был здесь уместен и правомочен – доносившаяся из пушистых кустов сирени кроткая переливчатая соловьиная трель, в коей, казалось, заключены были все хранимые в сердцах человеческих, но невысказанные слова любви, радости и печали.

Мысли Дмитрия Николаевича текли нестройно, перескакивая с одного предмета на другой, и то сосредотачивались на чем-то, то вдруг обрывались в логической незавершенности. Он понимал, что устал, что уж скоро двое суток, как не спал, и потому позволял отдохновение хотя бы своему разуму. И пущенные на самотек думы вернули его к загадочной визитке.

«Кто он такой, этот господин Яшмовый, специалист по тайнам древнего Алтая? – думал Руднев. – А коли тайны алтайские, так при чем тут солнцеворот?» Дмитрий Николаевич, сын знаменитого исследователя Алтайских земель, многое знал о символах и верованиях этого овеянного мифами края, и был он точно уверен, что в приложении к древнему Алтаю лишь единожды упоминалось изображение колеса с восемью спицами в форме буквы «Г». И относилось это упоминание к истории вовсе не древней и совсем не сказочной.

Стоявший перед внутренним взором Руднева солнцеворот пришел в движение. Колесо качнулось раз, другой, третий и вот уж оно полностью провернулось. Мокрые лопасти вынырнули из воды, таща за собой ряску, тину и труп утопленника. Мертвец открыл белесые глаза и, шевельнув гнилыми губами, позвал Дмитрия Николаевича его детским именем, коим давным-давно никто его не называл. И от этого оклика Руднева обуял такой ужас, что он закричал... И проснулся от собственного краткого оборвавшегося крика.

Он сидел на потертом слегка продавленном сидении полицейской коляски. Соловей продолжал усердно выводить коленца в зарослях сирени. Городовые о чем-то тихо переговаривались, вышагивая по дорожке. У крыльца дома стояла плохо различимая в предрассветных сумерках фигура. Она шевельнулась, и в темноте зажегся и потух красный огонек горящей папиросы.

– Я испугал вас, Дмитрий Николаевич? Извините, – произнесла фигура и двинулась в сторону коляски.

Руднев узнал фотографа при сыском управлении Вениамина Юрьевича Старина.

– Нет, ничего... Я, наверное, уснул... Привиделось, – слегка сконфужено признался Дмитрий Николаевич, сердце которого все еще тяжело и болезненно колотилось, мешая вздохнуть полной грудью.

– Немудрено с нашей-то службой, – проворчал Старин и тоже разоткровенничался. – Мне вот третьего дня снилось, будто бы я гостей на именины собрал в ресторане... Вроде как, в «Яре»... Скатерти белые, фарфор, хрусталь, серебро столовое и яства там всякие: стерлядь, поросенок, «Клико» да прочее. Весел я так был... А потом глянул, а за столом-то покойнички сидят. Убиенные... Те, что я на выездах да в скорбных чертогах Филиппа Ивановича снимал... Проснулся весь в поту. Целую пачку папирос выкурил, ей же богу... Кстати, хотите?

Вениамин Юрьевич протянул Рудневу портсигар, и тот отрицательно качнул головой.

– Спасибо. Я не курю... Как там?

– Смрадно, – покривившись, ответил фотограф и закурил вторую папиросу. – А так уж вроде к концу дело. Я общие планы отснял. И покойников крупно. Белецкий попросил несколько ракурсов для вас, тоже сделал. Когда тела уберут, декорации досниму, а то пока Филипп Иванович ругается, говорит, мешаю я ему вспышкой. Он уж последнего мертвеца осматривает. Мальчонка этот, Савушкин, за ним строчит. Вот ведь повезло парню! Отслужил-то в сыском без года неделю и такого уж насмотрелся... Вы что насчет всего этого Эреба-то думаете, Дмитрий Николаевич?

– Ничего пока не думаю, – ответил Руднев. – А вы?

Старин затаился, неспешно выдохнул дым и задумчиво проговорил:

– Я не то чтобы думаю... Так, мыслишка одна... Даже, точнее сказать, вопрос. Как живописец этот складывал свои творения впотьмах? Ну, очевидно же, что он все это не днем делал. Пусть на отшибе и сарай тот, и дом этот, но все ж заметил бы кто-нибудь. Стало быть, работал он ночью или утром ранним, когда спят еще все. А значит, темно было и ему освещение было нужно, потому как без света детали все эти мелкие не воссоздашь, да и картину целиком не увидишь. Вы присмотритесь, Дмитрий Николаевич, к фотографиям, там такая композиция, не всякий художник выставит. Для такого много света нужно да под разными углами. Парой масляных ламп точно не обойдешься.

Руднев задумался.

– А вы правы, Вениамин Юрьевич, – сказал он наконец. – Мне это в голову не пришло. Спасибо!

– Пользуйтесь, господа сыщики, – с деланным великодушием усмехнулся Старин. – Мое дело маленькое.

Он докурил, выбросил окурочек и направился обратно на место преступления, а Руднев рассеянно смотрел ему вслед, вертя в голове высказанную фотографом мысль.

Надо отдать должное Вениамину Юрьевичу, был он человеком совсем незаурядным. При сыском управлении служил чуть больше двух лет и, как сам признавался, попал туда случайно от полного безденежья, в котором оказался каких-то своих житейских проблем. Так как найти хорошего фотографа, способного выносить криминальную специфику, было всегда сложно, жалование тут было неплохое, да к тому же полагалось какое-никакое довольствие и даже комната в полицейском общежитии. Впрочем, в общежитии Старин никогда не жил, так как квартировал при какой-то там фотомастерской, где подрабатывал не то проявкой, не то ретушью.

Вениамин Юрьевич был любителем поговорить, а если тема касалась фотографии, так тут его и вовсе было не унять. Однако на выездах он был всегда сдержан и сосредоточен. Дело свое он делал собранно и методично, зная свое место, но и не принижая своей роли.

Единственным острым моментом в общении с Вениамином Юрьевичем мог оказаться его Кодак, здоровый тяжелый фотоаппарат с мощной треногой и коллекцией объективов, к которому фотограф относился как Ковчегу Завета и никому не позволял к нему прикасаться или даже что подходить ближе, чем на шаг. Он всюду таскал его исключительно сам, а если кто из полицейских, стремясь по незнанию и душевной доброте помочь фотографу с этой нелегкой ношей, смел дотронуться до Кодака, история непременно заканчивалась скандалом.

Местом преступления оказалась просторная комната в три окна, завешанная по торцевой стене пыльным, битым молью бархатным пологом. В комнате не было никакой мебели, кроме пары дюжин стульев, сдвинутых к стене, противоположной пологу.

Войдя в это странное помещение, Дмитрий Николаевич первым делом осмотрел пол.

– Что вы ищете? – поинтересовался Терентьев, и Руднев рассказал ему о высказанном фотографом предположении.

– Толково, – согласился надворный советник и посетовал. – Только следов мы тут никаких не различим. Тут все полы вон как исчерканы.

– Откуда эти царапины? – спросил Руднев.

– Здесь спектакли игрались, – ответил Белецкий и отдернул полог, который, как оказалось, отделял четверть пространства комнаты, забитое декорациями, вешалками с костюмами и прочим театральным реквизитом.

– Игрались спектакли? И при этом никто не заметил, что тут такое творится? – удивился Дмитрий Николаевич.

Белецкий подал ему несколько свернутых в рулон афиш.

– У них, можно сказать, гастроль, – объяснил он. – Это труппа под патронажем благотворительного общества княгини Лопухиной. Она собрала актеров и актрис, которые по всяким там разным печальным причинам расстались с большой сценой: мужчины – чаще из-за неумеренного питья, а женщины – из-за скандального грехопадения. Благотворители дают им возможность заниматься своим ремеслом, ну, и на путь истинный наставляют. Летом труппа большей частью играет спектакли в имениях патронесс. Вот и сейчас они в таком турне, но судя по этой афише, послезавтра будут давать «Пиковую даму» на благотворительном вечере в Нескучном Саду в Александровском летнем театре.

– Я уж повелел с их импресарио связаться, – вмешался в разговор Анатолий Витальевич. – Выясним, кто тут без них хозяйничать мог.

Руднев кивнул и переключил свое внимание на очерченное мелом по центру зала пространство.

– Что-нибудь необычное есть? – спросил он, осматривая предметы, оставшиеся от композиции.

– Я ничего такого не увидел, – пожал плечами Терентьев. – Садовая лестница, след от нее сбоку от дома обнаружился. Две жерди для креста... Такие где угодно можно взять, равно как простыню и гвозди. Таз и венок, скорее всего, из театрального арсенала. Свиток – или что это там такое? – обычная почтовая бумага, исписанная обычными чернилами.

Дмитрий Николаевич поднял мнимый свиток и прочел.

– Странно, – проговорил он.

– Что? – наострился надворный советник. – Вы почерк узнали?

– Нет, – ответил Руднев. – Почерк мне незнаком. Надпись странная. Неправильная. Белецкий тоже прочел.

– Я не нахожу ошибок, – констатировал он. – Что в ней неправильного?

– У Рубенса на картине страница из Святого Писания, а это изречение папы Климента IX: «Et in Arcadia Ego», то есть «И в Аркадии я есть», – объяснил Дмитрий Николаевич.

– И что это значит? – спросил Терентьев раздраженно. – Разверните свою мысль, Дмитрий Николаевич, сделайте милость! Вы же не так просто меня своей эрудицией фразпируете.

Руднев нахмурился.

– Боюсь, это намек на следующий «шедевр», – мрачно ответил он.

Чиновник особых поручений подобрался и шумно выдохнул.

– Пошадите, Дмитрий Николаевич! Еще один? Где?!

– Где, не знаю, но, если я прав, это будут «Аркадские пастухи».

Когда Дмитрий Николаевич завершил свой осмотр театрального дома, не найдя более на месте преступления никаких зацепок и идей, Терентьев вызвался отвезти Руднева и Белецкого домой.

По дороге Дмитрий Николаевич подробно рассказал обо всех странностях, произошедших в особняке Миндовского, опустив, правда, эпизод с визиткой. На тот момент подле резиденции пифии по настоянию Руднева уже и так дежурили полицейские, однако деталей Дмитрий Николаевич объяснить тогда не успел.

И без того хмурый, как туча, сыщик сделался совсем мрачным.

– Дмитрий Николаевич, это какой-то абсурд! – сказал он после продолжительного молчания. – Пифия, которая якобы знает про агнца и десять трупов, да еще – про шрам у вас на руке. Замаскированные под пифию ее убиенная сестра и ее служанка, которая приводит вас ко второму «шедевр». А в завершении всего еще и покушение на пифию. Как все это в едино собрать можно?

– Всего я собрать пока не могу, но мне видится только один вариант, – ответил Руднев. – Убийца затеял с нами игру и заставляет нас следовать шаг за шагом по его дьявольскому маршруту. Этакий «Гусек».

– Я не знаю такой игры, – буркнул Анатолий Витальевич. – Объясните, что вы имеете в виду!

– Я предполагаю, что Боттичелли должен был привести нас на пифию, которая, в свою очередь, должна была намекнуть на Рубенса, а ее горничная должна была нас к нему отвести. Теперь же Рубенс указывает на «Аркадских пастухов».

– Тогда, Дмитрий Николаевич, выходит, что Флора и ее свита в этой игре тоже замешаны, – сказал сыщик.

– Вероятно. Но не факт, что они сами об этом подозревают, – пожал плечами Руднев. – Завтра, вернее, уже сегодня, переговорим с ними, и уверен, многое прояснится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.